

Х
files
Х

ДОСЬЕ
КОЛЛЕКЦИЯ

СПЕЦИАЛЬНЫЙ ВЫПУСК № 33, 2013

БЕЛАЯ ГВАРДИЯ
АДМИРАЛ КОЛЧАК

▲
ВЛОЖЕНИЕ:

Крест «Освобождения Сибири»

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

16+

13033

46070331120130

Скажите, где вы были,
Когда чужие кони поднимали пыль,
Когда кривые сабли головы рубили,
И на крови сквозь кости рос ковыль?

Где были вы, когда на поле Куликовом
За Русь сражался инок – Пересвет,
Где каждый третий пал в бою суровом...
Где были вы, скажите, где ваш след?

Или на Бородинском поле,
Где смерть за честь была для нас, славян,
Где русский дух сломил чужую волю, –
Вас в прошлом нет, не клеветайте нам.

Чужое, неприкаянное племя,
так нагло лезущее к нам в учителя,
Кичась прогнившей древностью своею,
Свой путь монетой грязною стеля,

Что принесло ты русскому народу,
Чтобы решать, как нам сегодня жить?
Ты! Паразитствующее сроду,
Теперь желаешь нам законом быть!

Мы для тебя – безродная скотина,
Презренная, как мухи на стекле,
Тебе России прошлое противно,
Но вспомни, ты на чьей живешь земле?

Что ж, упивайся, власть талмудной
пыли,
Заняв на время наши храмы и места,
Но помни:
Мы не позабыли
Позорного
Предательства
Христа...

А. В. Колчак. Незадолго до расстрела.
Иркутск. 1920 год.

СИБИРСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО

На востоке страны антибольшевистская вооруженная борьба началась зимой-весной 1918 года, но именно здесь ее значение превысило местное и стало общероссийским. Власть, созданную в Сибири (необъятном регионе, с запада обрамленном Уральскими горами, с востока – хребтами у Тихого океана, с севера омываемом Северным Ледовитым океаном, а с юга граничащем с Китаем), признавали как единственное законное правительство государства Российской империи все Белые регионы.

До революции Сибирь была хлебной житницей России. С началом Первой мировой экспорт товаров из Сибири приостановился – невостребованные, они стали оседать у крестьян, поэтому зимой 1919 года Сибирь **«изобиловала мясом, маслом и чудным пшеничным хлебом»**. Но провозить грузы по Сибирской железной дороге во Владивосток и получать обратно необходимые сибирякам товары оказалось невозможно. Крупные торговые фирмы не смогли восстановиться после 1917 года, и место их заняли разного рода авантюристы, наживавшиеся на разнице цен между Владивостоком и Омском. Явление это в последующем повлияло на развитие событий.

В начале борьбы сибирская контрреволюция представляла собой нечто неоднородное,

однако скрепленное идеей автономии. Еще в декабре 1917 года в Томске состоялся чрезвычайный Сибирский областной съезд, который провозгласил высшей властью областную Думу и областной Совет. Большинство портфелей министров в Думе получили эсеры. Работа должна была начаться 25 января 1918 года в Томске, но Томский совдеп арестовал часть депутатов. Несмотря на это, 47 членов Думы нелегально собрались вечером 28 января и утвердили «Временное правительство автономной Сибири».

Председателем правительства избрали профессионального революционера Петра Яковлевича Дербера, министром иностранных дел – юриста по образованию Петра Васильевича Вологодского. Самой заметной фигурой в новом правительстве стал министр финансов 28-летний Иван Андрианович Михайлов – сын народовольца, он даже родился в каторжной тюрьме (казнен в 1945-м вместе с атаманом Семеновым). Молодой человек закончил юридический факультет Петербургского университета, в

Вид на Байкал со стороны Транссибирской магистрали

Разгрузка ледокола-парома на Байкале

период революции выступал на стороне эсеров, которые называли его Ванькой Каином, а сослуживцы – «*Иваном Интригановичем*». Однако до сибирских событий он успел сменить множество важных должностей при Временном Российском правительстве. Вскоре Дербер образовал Западно-Сибирский комиссариат, участники которого в прошлом подвергались царским репрессиям, а двое даже занимались террористической деятельностью.

В сущности, новое правительство представляло собой бывшее подполье, занимавшееся финансированием нелегальных вооруженных организаций. Среди военных выделялся полковник Алексей Николаевич Гришин-Алмазов, возглавивший подполье в Ново-Николаевске (Новосибирске): в течение апреля-мая 1918 года ему удалось объединить все боевые контрреволюционные организации от Байкала до Приуралья.

С началом неожиданного для всех мятежа Чехословацкого корпуса 25 мая 1918 года политическое руководство Сибири разделилось: часть деятелей оказалась в Томске, а часть – в Ново-Николаевске. Так образовались два комиссариата, деятельность которых с этого времени стала протекать отдельно. Вскоре возник вопрос, где же будет центр нового правительства. Томск – интеллектуальный центр Сибири, расположенный в стороне от Транссибирской железной дороги, не мог стать столицей; уездный Ново-Николаевск, расположенный на железнодорожной линии, являлся уже центром военным, поэтому Временное правительство переехало в Омск – административный центр Акмолинской области и Степного генерал-губернаторства, после строительства магистрали превратившийся в крупный транспортный узел. Но с самого начала работы омской власти стал проявлять себя неожиданно консервативно Иван Михайлов, найдя поддержку Гришина-Алмазова. Гришин потребовал объединения в своих руках командования армией и заведования военным отделом, на что новая Дума, как ни странно, дала согласие, и Гришина-Алмазова назначили командующим новоучрежденной Западно-Сибирской отдельной армией, созданию которой также предшествовали события, связанные с Чехословацким корпусом.

ЗАПАДНО-СИБИРСКАЯ АРМИЯ

Большинство Белых вооруженных организаций сурового края было создано в конце января 1918 года на нелегальном заседании членов Сибирской областной думы. Центром этих организаций стал Омск, в окрестностях которого находилось примерно полторы тысячи подпольщиков. Деятельность сибирского подполья активизировалась в конце мая – начале июня, в связи с антибольшевистским выступлением Чехословацкого корпуса, эшелоны которого располагались на станциях железнодорожной магистрали от Пензы до Владивостока. На железнодорожной станции Петропавловска в это время стоял один чехословацкий эшелон под командованием капитана Жака. Под его началом в ночь на 31 мая чехи совместно с антибольшевистскими силами войскового старшины Вячеслава Ивановича Волкова свергли советскую власть в Петропавловске. К часу ночи город был полностью очищен от большевиков, а Волков объявил себя начальником Петропавловского района. Вскоре антибольшевистские восстания вспыхнули почти во всех городах Сибири, и в течение нескольких недель после «чешского бунта», во многих крупных населенных пунктах появились свои военные отряды, которые и составили основу регулярных частей Сибирской армии. Все

они вошли в состав Степного Сибирского корпуса, штаб которого располагался в Омске. В Томске и в Западной Сибири власть также перешла в руки белогвардейцев и чехов. Тогда же и на территории Сибирского казачьего войска была объявлена мобилизация и началось формирование конной дивизии. Из неказачьих добровольческих отрядов сформировали 5-й и 7-й Степные Сибирские стрелковые полки. Так появилась Западно-Сибирская добровольческая армия. Погоны в ней не вводились, что позволяло сибирякам привлекать на свою сторону и красноармейцев: **«Переходи, не бойся, мы такие же беспогонные».**

И все же, из-за внутреннего политического разнообразия, первая Сибирская дума не просуществовала долго. К тому же воинские силы белогвардейцев и чехословаков вышли уже за пределы Западной Сибири, и региональная ограниченность начинала мешать их дальнейшим действиям. 30 июня 1918 года думская власть была передана министрам, что означало прекращение существования всех других правительств Сибири. То есть появилась **«Директория»** – не Сибирское уже, а Временное Всероссийское правительство. «Директории» суждено было сыграть ключевую роль в событиях Гражданской войны на востоке России во второй половине 1918 года.

RNM ПОСТУПЬ ДИКТАТОРА PAS

Жертвы мятежа чехословаков. Владивосток

Официально «Директория» появилась 23 сентября 1918 года в Уфе. Этот город, из-за близости фронта, вскоре пришлось покинуть и перебраться в Омск, где дожило свои дни старое Сибирское правительство. Несмотря

на пафос, который содержала в себе идея новой власти, с самого начала она была враждебно встречена местным населением. Новый военный министр Временного правительства, командующий Сибирской армией атаман Сибирского казачества

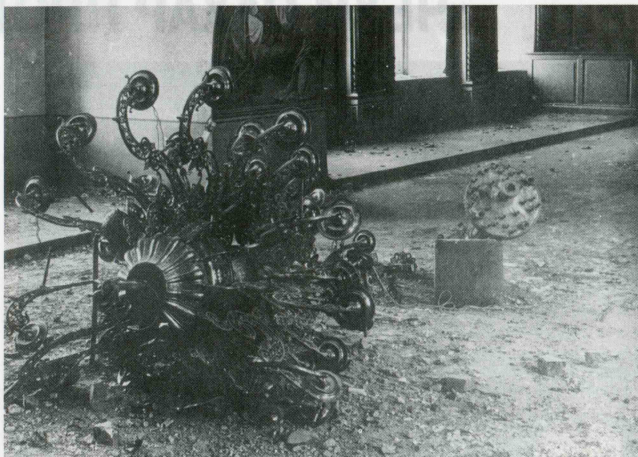
Павел Павлович Иванов-Ринов, вернувший в армию императорские звания и погоны, проводил мобилизацию, пользуясь достаточно жесткими методами. Селения, отказывающиеся выдавать призывников, подвергались «вооруженному воздействию военной власти»: на деле – массовым поркам. Что не могло радовать сибиряков. Вскоре крупные крестьянские восстания вспыхнули на Алтае. Весь Славгородский уезд со 2 по 10 сентября находился в руках восставших, которые привычно перебили офицеров и вывесили красный флаг. Крестьяне, помимо насильственной мобилизации, не скрывали своего недовольства стремлением правительства прекратить незаконные вырубки лесов: Сибирское правительство пыталось взимать плату за вырубку деревьев, которые сибиряки считали своими. Пехота и отряды милиции, посланные тогда на подавление крестьянских недовольств, попали в плен. Солдат просто заперли в холодном сарае, а вот офицеров перебили, да еще и на спинах ремни вырезали. Каждая подобная история заканчивалась прибытием войск и расстрелом зачинщиков. При этом в правительстве утверждали, что восстания эти – результат подрывной агитационной работы беглых красноармейцев и венгров. Дело в том, что для Сибири

Милиция на улицах Томска

подобные крупные восстания оказались явлением новым и вызваны они были, скорее всего, тем, что правительство без царя, но при множестве офицеров вызывало у крестьян подозрения. К тому же не могли сибиряки освоить идею «Директории» с несколькими правителями. Даже интеллигенция начала разочаровываться в коллективной власти. Тем временем к октябрю 1918 года в Омске появилось много антибольшевистских организаций. Большая их часть, за исключением левых, считала, что временно необходимо установить единоличную диктатуру одного лица. Так, «Директория» с первых дней пребывания в Омске оказалась в некоторой изоляции. Появились и слухи о том, что эсеры – основная партия в новом правительстве – готовят заговор с целью захвата власти.

Кроме того, некоторые действия самого Временного правительства способствовали становлению будущего диктаторского стиля правления. Так, оно объявило о денационализации промышленных предприятий и о возврате землевладельцам конфискованного у них в 1917 году имущества. Возвращался и весь дореволюционный уклад жизни, не сильно любимый в народе: вводился военно-полевой суд, а также казнь за политические преступления. К осени в правительстве Сибири усилились правые настроения, в результате чего сторонники

Разрушения в Тихвинской церкви

«демократической контрреволюции» были окончательно вытеснены, а представители Антанты пообещали предоставить оснащение для 100-тысячной Сибирской армии и предоставить 200 миллионов рублей в качестве займа.

Таким образом, к осени огромное пространство погуженной в Гражданскую войну страны оказалось экономически и политически готово к приходу верховного правителя. Сыграли в этом свою роль и неприкаянные чехословацкие легионеры.

«ЧЕХИ САХАР ПРОДАЮТ»

оружия так и не покинула своих хозяев (времена-то смутные...).

14 мая 1918 года в Челябинске лицом к лицу встретились два эшелона – чехословаков и мадьяр. Брошенной из венгерского вагона железкой был тяжело ранен один из чехов. В ответ чехи и словаки линчевали виновного. Большевистские власти Челябинска среагировали на самосуд вполне адекватно: задержали эшелон корпуса и арестовали несколько человек. Чехи имели на сей счет иное мнение. А кроме мнения, имели еще и оружие, чтобы свою позицию аргументированно отстаивать.

Это, в свою очередь, не устраивало большевиков. И 25 мая наркомвоенмор РСФСР Лев Троцкий разослал телеграмму: *«Все Советы на железной дороге обязаны, под страхом тяжелой ответственности, разоружить чехословаков. Каждый чехословак, который найден будет вооруженным на железнодорожной линии, должен быть расстрелян на месте; каждый эшелон, в котором окажется хотя бы один вооруженный, должен быть выброшен из вагонов и заключен в лагерь военнопленных... Ни один вагон с чехословаками не должен продвигаться на Владивосток...»*.

В послереволюционной Сибири встречались многочисленные иностранные отряды: румын, сербов, поляков, латышей и даже итальянцев, которые задержались дольше других, не зная, куда деваться от скуки (все – бывшие военнопленные). Сербы наладили активную торговлю казенными лошадьми и оружием – так их винтовки попадали к повстанцам, даже личная охрана будущего верховного правителя Сибири Колчака состояла из сербов, так как Югославия стала единственной державой, правительство адмирала признавшей.

Первая дивизия, сформированная из чехов и словаков, попала на восточный фронт еще в 1917 году. Вскоре были сформированы вторая и третья дивизии, которые и составили Чехословацкий корпус, или легион. После заключения Брестского мира Франция включила чехов в состав своей армии, заключив с Советским правительством соглашение об эвакуации Чехословацкого корпуса через Владивосток. Подданные Чехии должны были сдать оружие, оставив для самозащиты только одну вооруженную роту. Однако большая часть

Но Лев Давидович действительно погорячился. Численность Чехословацкого корпуса в России на тот момент времени — 40 000 штыхов. А еще прошел слух, что большевики планируют для разоружения чехов привлечь их извечных врагов — плененных немцев и австрияков, милости и бережного отношения от которых славянам ждать не приходилось: сильны были в то время национальные противоречия, не то что сейчас — сплошная толерантность.

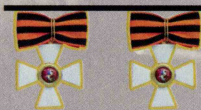
Узнав об этом, 27 мая 1918 года чехословаки силой освободили товарищей из Челябинской тюрьмы, а заодно разогнали местный совет, разоружили красногвардейцев и захватили городской арсенал (три тысячи винтовок и артиллерийскую батарею).

А если учесть, что все вышеуказанные события происходили одновременно с большевистской политикой изъятия «излишков» хлеба у крестьян, становится очевидным, что у советской власти в Сибири не оказалось научного обоснования.

Чехословаки начали продвигаться к Омску и Иркутску, освобождая по пути города от советской власти: Петропавловск, Курган. Другие части вошли в Ново-Николаевск, Мариинск, Нижнеудинск и Канск. В начале июня 1918 года чехословаки вошли в Томск. В июне 1918-го в Омск и Самару, потом Симбирск, Екатеринбург, Тюмень, Читу, Уфу, Иркутск.

Радола Гайда. Командующий Чехословацким корпусом в Сибири. Награды: орден Св. Георгия 3 ст., 4 ст.

Большевики оказались в сложном положении. С одной стороны, Англия и Франция объявили Чехословацкий корпус частью своих вооруженных сил и заявили, что будут рассматривать его разоружение как недружественный акт в отношении Антанты. С другой стороны, Германия по-прежнему требовала немедленного разоружения корпуса.

Но интереснее всего события складывались во Владивостоке.

Во-первых, там скопилось огромное количество военного имущества: более полутора миллионов пудов пороха, поч-

ти миллион винтовок, огромное количество артиллерийских снарядов, мин, патронов, моторы к самолетам, кожа для военной обуви и многое-многое другое. Все это оказалось здесь потому, во время мировой войны поставки царскому правительству Соединенными Штатами осуществлялись через Владивосток. После большевистского переворота в городе творился хаос. И как следствие — резко возросла преступность и хищения оружия с военных складов.

29 июня чехи совершили во Владивостоке вооруженный переворот, свергли Советы и

ЧЕХОСЛОВАЦКИЕ ЛЕГИОНЕРЫ В СИБИРИ

выбили красных из Никольск-Уссурийска — крупного железнодорожного узла, ведущего на Харбин (Китай) и Хабаровск.

2 июля 1918 года в Париже состоялось заседание Верховного военного совета Антанты, принявшего решение активизировать интервенцию в Сибири, после чего в Вашингтоне на совещании военных руководителей страны было принято решение об отправке семи тысяч американских солдат во Владивосток на помощь Чехословацкому корпусу (это были части 27-й и 31-й американских пехотных дивизий, которые до этого прославились злодеяниями во время подавления восстания народа моро на Филиппинах).

Помимо помощи, американцы руководствовались и иными интересами: на совещании Государственного департамента США была намечена программа «экономического освоения» России, предусматривавшая вывоз из некогда богатейшей страны до 200 тысяч тонн товаров только в течение первых трех месяцев, далее темпы вывоза ценностей должны были возрастать. Все пытались оторвать свой кусок.

6 июля 1918 года в городе была опубликована «Декларация представителей союзного командования об объявлении Владивостока стоящим под международным контролем».

Вот выдержки из нее: «Ввиду опасности, угрожающей Владивостоку и

союзным силам, здесь находящимся, от открытой и тайной работы австро-германских военнопленных, шпионов и эмиссаров настоящим город и его окрестности берутся под временную охрану союзных держав, и будут приняты все необходимые меры для защиты как от внешней, так и от внутренней опасности. Власть земства и городского самоуправления признается в пределах местных дел, но военные силы и полиция будут усилены. Настоящий акт делается в духе дружбы и симпатии к русскому народу».

Декларацию подписали: главком Азиатского флота США адмирал Найт, вице-адмирал японского флота Хирохару Като, капитан английского королевского флота Пэйн, начальник французской военной миссии полковник Парис, капитан китайского флота Х. Лю, комендант города капитан чехословацкой армии Бадюра.

Это был беспрецедентный доселе случай в истории. По словам очевидцев, Владивосток пестрел всеми цветами радуги. Здесь были английские моряки и шотландские стрелки в клетчатых юбках, французские солдаты и моряки в беретках с помпонами, американские солдаты и итальянские моряки, альпийские стрелки, чехословаки, канадские матросы и солдаты. А еще японцы и китайцы. Для

3 августа во Владивосток прибыл батальон из **Британского Гонконга**;

4 августа первая группа (около 1600 штыков) **китайской дивизии**;

9-го августа – **французский батальон** (800 штыков);

11 августа – первые 2000 **японских солдат**;

15 и 21 августа – два **американских полка**.

примера – в состав международной полиции вошли представители 12 наций, ходившие под флагами 15 стран и носившие 18 униформ. Всех их объединяли черные нарукавные повязки с надписью МРП – Международная военная полиция.

В 1920 году США приняли решение эвакуировать свой экспедиционный корпус из Приморья. С уходом американцев международная полиция была ликвидирована, и ее функции до оккупации Владивостока красными в октябре 1922 года выполняла японская военная полиция.

ЗЕМЛЯ САННИКОВА

Александр Васильевич Колчак на зимовке у полуострова Таймыр

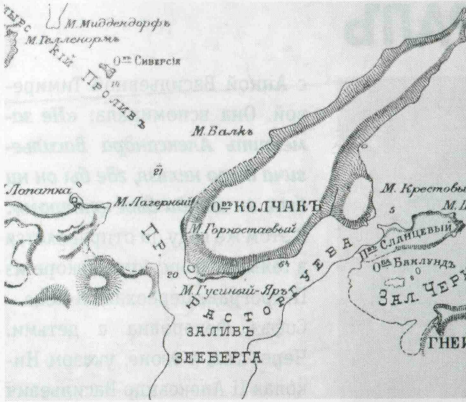
Шхуна «Заря» на первой зимовке

«Я прожил пять лет как политический ссыльный в селе Казачьем, в устье реки Яны. Живя в этом медвежьем, лучше сказать – беломедвежьем, углу, я познакомился с местными так называемыми промышленниками – грубыми, невежественными людьми с точки зрения столичной культуры, но людьми с добрым сердцем и смелой душой. Каждый год весной, когда дни становятся длинными, но лед еще крепок, они совершают отважные поездки на Новосибирские острова за мамонтовыми бивнями, которых там много... Среди этих промышленников некоторые ясно видели Землю Санникова и твердо убеждены в ее существовании».

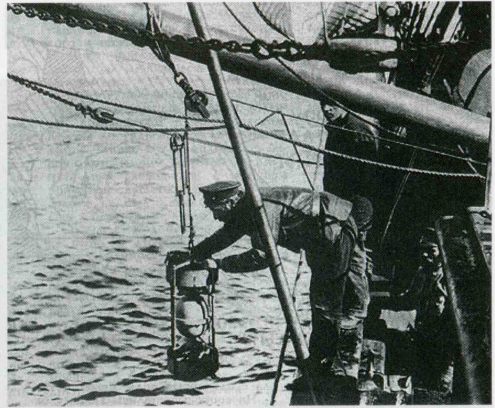
«Земля Санникова».

Владимир Обручев.

Род Колчаков турецкого происхождения («колчак» в переводе на русский язык означает «боевая рукавица»). По неподтвержденной до сих пор версии, основатель рода – Илиас-паша служил комендантом турецкой крепости Хотин, а в 1739 году пленным был привезен в Петербург, откуда после заключения мира уехал в Правобережную Украину. Русское дворянство Колчаки получили при императрице Елизавете Петровне, примерно в 1745-ом году. Отец бу-

**Остров Колчак на карте южной части
Таймырского залива**

Колчак в экспедиции на шхуне «Заря»

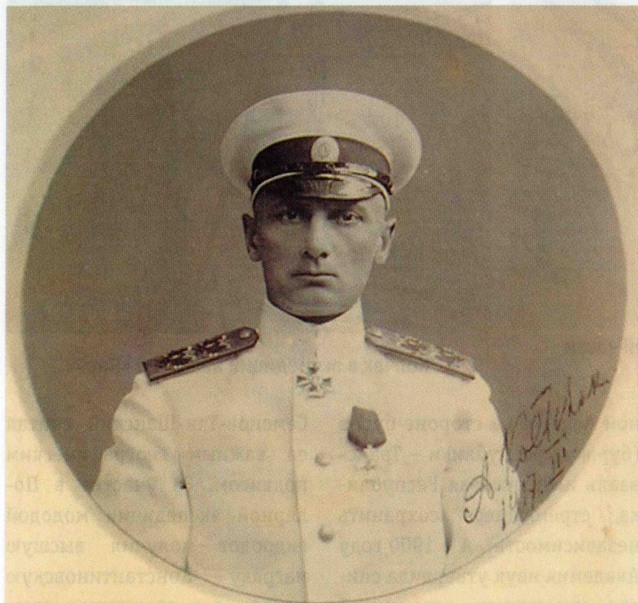
дущего верховного правителя России родился в Одессе, в 17 лет поступил на службу в морскую артиллерию Черноморского флота. Мать адмирала – Ольга Ильинична Посохова была дочерью потомственного почетного гражданина Одессы. В 1874 году у них родился сын Александр. По достижении определенного возраста и он поступил в Морское училище. В 1890-м юный Александр оканчивал Морской корпус и, будучи гардемаринном, был отправлен штурманом в Кронштадтскую морскую обсерваторию, а через месяц стал вахтенным офицером на броненосном крейсере «Рюрик». Побывав в длительных плаваниях в Японском и Желтом морях, молодой человек заинтересовался гидрологией, – увлечение это впоследствии серьезно повлияло на его судьбу. В 1899 году Колчак решил поучаствовать в Англо-бурской войне в Юж-

ной Африке на стороне буров (бурские республики – Трансвааль и Оранжевая Республика, стремящиеся сохранить независимость). А в 1900 году Академия наук утвердила список участников знаменитой экспедиции, которой руководил исследователь Арктики Эдуард Васильевич Толль. Одной из целей экспедиции было открытие «большого материка» («Арктиды») и «Земли Санникова»). Александр, имевший к тому времени публикации по гидрологии, стал самым молодым участником экспедиции. В этом плавании Толль пропал без вести. Только после возвращения остатков экспедиции Колчак начал подготовку к новой, которая в 1903 году обнаружила место стоянки знаменитого путешественника, его дневники, но не более того... И все же работа Александра Васильевича была признана удачной, и сам великий путешественник

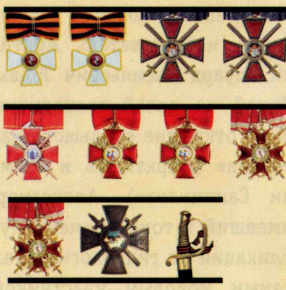
Семенов-Тянь-Шанский считал ее важным географическим подвигом. За участие в Полярной экспедиции молодой гидролог получил высшую награду – Константиновскую медаль, а в следующем году, с началом Русско-японской войны отправился в Порт-Артур, чтобы принять участие в осаде крепости. В 1905 году, после обострения болезни (ревматизма), ранения и четырехмесячного японского плена, Колчак вернулся в Петербург и узнал о своем награждении орденом Святой Анны 4-й степени с надписью «За храбрость», золотой саблей с надписью «За храбрость» и орденом Станислава 2-й степени с мечами. Война с Японией закончилась, Александр Васильевич начал работу над отчетом о Полярной экспедиции Толля (был опубликован в «Известиях Русского географического общества»).

АДМИРАЛЬ

Командующий Черноморским флотом Александр Васильевич Колчак. Награды: орден Св. Георгия 3 ст., 4 ст., орден Св. Владимира 3 ст. с мечами, 4 ст. с мечами и бантом, орден Св. Анны 1 ст. с мечами, 2 ст., 4 ст. с надписью «За храбрость», орден Св. Станислава 1 ст. с мечами, 2 ст. с мечами, крест «За Порт-Артур», Георгиевское оружие.

«Если что-нибудь страшно, надо идти ему навстречу – тогда не так страшно».

Адмирал Колчак

Книга вышла в 1909 году, позже вышел и другой труд будущего хозяина Сибири – «Какой нужен России флот». 1912 году он перешел служить на Балтийский флот, став через год капитаном пер-

вого ранга. Известие о Первой мировой он получил, будучи командующим эскадренным миноносцем «Уссуриец»: *«Начало войны было одним из самых счастливых и лучших дней моей службы».* В 1915 году, когда Александру Васильевичу исполнился уже 41 год, он познакомился с семьей Тимиревых, с чего начались его долгие отношения

с Анной Васильевной Тимиревой. Она вспоминала: *«Не заметить Александра Васильевича было нельзя, где бы он ни был, он всегда был центром».* В этом же году он отправляется в Гельсингфорс, куда вскоре из Петрограда переехала и жена – Софья Федоровна с детьми. Через год, в июне, указом Николая II Александр Васильевич был произведен в вице-адмиралы и стал командующим Черноморским флотом. Воспоминания об адмирале Колчаке Федора Петровича Рерберга (в 1918 году возглавлял Севастопольскую ликвидационную комиссию): *«В первый же день нашего знакомства на вокзале он мне не понравился: производил впечатление человека весьма нервного, принимавшего позы и жесты не натуральные, а как бы обдуманные; у него совершенно не было позы барина и высокого начальника, спокойно сознающего свою власть и силу, в чем я потом убедился, видя, как он раздражался по пустым вопросам и начинал горячиться и кричать, швыряя телефонную трубку или пресс-папье в случаях, когда достаточно было приказать, и приказание было бы исполнено».*

Первые серьезные известия 1917 года Колчак попытался скрыть от подчиненных, прервав почтовое и телеграфное сообщение Крыма с осталь-

ной страной, а после отречения Николая II объявил командам всех боевых судов о том, что флот вместе с командующим принесет присягу новой власти. Между тем в Севастополе начались беспорядки, где слышались возгласы о том, что у офицеров надо **«отобрать их кают-компания, заставить драить палубу и отбивать вахты в кочегарке»**. Но авторитет Колчака среди матросов был очень высок, и его не трогали. Вскоре удалось наладить сотрудничество между командованием и революционерами Черноморского флота, однако исполнительный комитет заподозрил все же Севастопольское интендантство в сговоре с поставщиками кожи, из-за чего матросы получали сапоги худшего качества и в меньшем количестве. В результате был поднят и вопрос об адмирале – настаивали на его аресте. Делегатское собрание постановило отстранить Колчака от должности: **«Мы признаем мировую известность и колоссальные военные заслуги нашего адмирала, но он все-таки не нужен. Нам нужен прапорщик, который командовал бы флотом и исполнял все наши требования»**.

Сам адмирал призвал офицеров сдать оружие – они подчинились, но один офицер застрелился. Когда пришла очередь Александра Василье-

вича, он сказал: **«С этого момента я командовать вами не желаю и сейчас же об этом телеграфирую правительству»**. Спустившись в свою каюту, он взял золотую саблю, полученную за Порт-Артур, выбежал наверх и крикнул матросам: **«Японцы,**

наши враги – и те оставили мне оружие. Не достанется оно и вам!» и бросил саблю за борт. После этого инцидента Временное правительство передало командование Черноморским флотом адмиралу Вениамину Константиновичу Лукину (после Октябрьской революции перешел на службу в советский флот), а также вернуло оружие офицерам, приказав напомнить матросам, что «до сих пор Черноморский флот почитался всей страной оплотом свободы и революции». О Колчаке же

стали говорить, но в руках у него не было вооруженной силы, каковой располагал Корнилов, видевший в адмирале сторонника.

В начале 1918 года «безработный адмирал» обратился к правительству Великобритании с просьбой принять его на любых условиях в английские вооруженные силы. Так Александр Васильевич стал офицером английской службы и получил назначение в Бомбей, в штаб индийской армии, откуда он хотел отправиться на Месопотамский фронт. Колчак писал Анне Васильевне: **«Мне известно, что предшественник командующего Месопотамским фронтом умер от холеры. Неважная смерть, но много лучше, чем от рук сознательного пролетариата или красы и гордости революции»**: в это время на Черноморском флоте, как и на Балтийском, начались уже убийства офицеров. На пути в Индию, однако, стало известно об изменении обстановки на фронте Месопотамии, из чего англичане делали вывод о том, что Колчак будет бесполезен в России. По просьбе русского посланника в Китае он отправился в Пекин, где был избран в правление Китайско-Восточной железной дороги. Так Александр Васильевич оказался в Харбине.

ХАРБИН

Колчак в Харбине

С апреля по сентябрь в Харбине – китайском городе, население которого почти наполовину состояло из русских эмигрантов, Колчак лишь формально исполнял обязанности главного инспектора охранной стражи КВЖД. В действительности его пекинское избрание означало предложение Временного правительства занять пост Главнокомандующего всеми Российскими войсками в полосе отчуждения дороги. Под предлогом охраны магистрали предполагалось объединить добровольческие русские части, сформировав из них серьезную вооруженную силу для борьбы с «германо-большевиками». Начав выполнять это поручение, адмирал впервые встретил сопротивление японцев и их ставленника атамана Григория Михайлови-

Карта следования поездов КВЖД

ча Семенова – человека, с которым Колчак долго еще будет налаживать отношения.

11 мая в газетах Харбина появилось интервью с Колчаком, в котором он обещал восстановить порядок. Для этого перед отъездом на станцию Маньчжурия он встречался с главой японской военной миссии в Китае генералом Накашимой, обсуждая вопрос о поставке оружия для получения возможности этот порядок наводить. Именно Накашима вскоре осуществил разоружение российских войск, чем вызвал всплеск ненависти к японцам на востоке России. Это ухудшило и отношения генерала с Колчаком, который способствовал отзыву Накашимы, как «японского империалиста», мешающего «русским создать здоровую военную силу».

В полосе отчуждения, примыкавшей к КВЖД, тогда действовали партизанские отряды, самым крупным из которых был Особый маньчжурский отряд атамана Семенова (до 5 тысяч человек). При этом глава КВЖД надеялся довести численность создаваемого им корпуса до 20 000 человек, для чего необходимо было объединить под единым командованием отряды атаманов Семенова, Калмыкова и Орлова. Отряд Орлова безоговорочно принял командование Колчака. Из воспоминаний полковника Орлова: «Скромность и доступность этого человека сделали его имя еще более популярным в глазах Орловцев. Он даже отказался от почетного караула». Любопытно, что воспоминания о партизанских отрядах, силами которых хотел воспользоваться Колчак, представляют собой не-

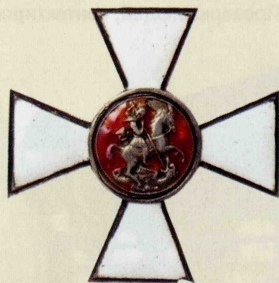
что совершенно противоположное. Барон Алексей Петрович Будберг – будущий помощник Верховного правителя писал: *«Если же адмирал сам обретется на атаманов и их отряды, то тогда о порядке и законе не может быть и речи... Разные вольные атаманы Семенов, Орлов, Калмыков, своего рода винегрет из Стенек Разных двадцатого столетия под белым соусом, послереволюционные прыщи Дальнего Востока; внутреннее содержание их разбойничье, большевистское, с теми же лозунгами: побольше свободы, денег и наслаждений; поменьше стеснений, работы и обязанностей».*

Между тем в Харбин приехала Анна Васильевна. Есть легенда о том, что однажды Колчак уснул у нее на руках, после чего она решила не возвращаться более к мужу.

С самого начала адмирал, вопреки собственной гордости, обратился к атаману Семенову, в личном разговоре с которым сказал: *«Я приезжаю сюда не в качестве начальника над вами, я приехал с вами поговорить об общем деле создания вооруженной силы... Я привез вам денег от Восточно-Китайской железной дороги».* Семенов же отвечал, что он ни в чем не нуждается, что деньги и оружие он получает от Японии, а от Колчака ему ничего не нужно. Таким образом, Семенов и все его окружение продемонстрировали Алексан-

дру Васильевичу полное свое равнодушие, когда же поезд адмирала тронулся, *«толпа шумно загалдела, а несколько дам дошло до такого неприличия, что в виде демонстрации подняло руки и показало вслед уходящему поезду кукиш...».* Колчак позже говорил, что соглашения с Семеновым не удалось достичь по вине главы японской военной миссии генерала Накашима, который, не получив политических уступок в обмен на поставки оружия, отдал Семенову приказ не подчиняться адмиралу ни при каких условиях.

Однажды Колчак получил от начальника одной из станций КВЖД телеграмму о грабежах, которые совершал семеновский отряд. Адмирал отправил туда взвод атамана Орлова, который доставил непокорных в Харбин. Семенов лично явился за своими партизанами к Александру Васильевичу с намерением якобы в отместку арестовать его самого, но в конце концов оставил идею возмездия и уехал. К Орлову же явился японский подполковник Хитоси Куросава (именно через него японское командование передавало приказы Семенову) и предложил перейти к семеновцам, аргументируя свое предложение тем, что Колчак – морской офицер и не может командовать сухопутными войсками. Япония, преследуя свои интересы, изначально избрала союзником Семенова, предпочитая его не-

Орден Святого Георгия 4 степени адмирала Колчака.

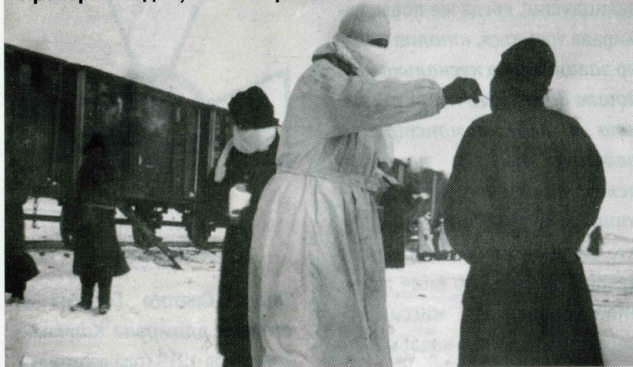
8 февраля 1919 года верховный правитель утвердил правила награждения офицеров орденами Святого Георгия 3 и 4 степеней, восстановив таким образом орден. Знаки были изготовлены в Омске из заготовок серебряного Георгиевского креста 4 степени (для солдат). А в конце 1919 года из белого металла были изготовлены образцы особых Георгиевских крестов с изображением святого, обращенного в левую сторону.

Медаль «За усердие» адмирала Колчака. В колчакских армиях было восстановлено награждение медалью «За усердие».

Проверка людей, контактировавших с больными. КВЖД

сговорчивому адмиралу. Орлов же не поддавался на уговоры, а Колчак решил отправить Орловский отряд на восток, что вызвало неудовольствие отряда, так как из-за недостатка боеприпасов военные действия задерживались.

После этого адмирал с сожалением перестал рассчитывать на наиболее многочисленный партизанский отряд, сосредоточил свое внимание на Владивостокском направлении и начал создавать военную флотилию на китайской реке Сунгари – самом крупном притоке Амура.

Таким образом, в Харбине Колчак оказался в тяжелом положении. Японцы, отношения с которыми были испорчены, настроили против адмирала местные власти Китая. Вспыльчивость адмирала привела к тому, что и в его окружении начали множиться сплетни, пример чего – дневник генерала Будберга, который отмечал, например, что «*в большом штабе местного Главновер-*

ха очень недовольны адмиралом, который по общему отзыву ничего не понимает в военном деле и совершенно не считает с наличной обстановкой; сейчас он требует немедленного похода на Владивосток и самых решительных действий; его кто-то на это подулькивает». Тем временем отряд Семенова оказался разбит красными и вынужден был отступить на территорию Китая. Это означало, что китайцы получали возможность разоружить все русские части на КВЖД. Положение было спасено, когда до Александра Васильевича в Харбине дошли сведения о выступлении Чехословацкого корпуса, а также о том, что большая часть Сибири уже освобождена от большевиков. Вслед за этим чехословаки, находившиеся во Владивостоке и сохранявшие до сих пор нейтралитет, присоединились к общему выступлению легионеров. В ночь с 29 на 30 июня 1918 года они свергли власть большевиков во Влади-

востоке и развернули наступление на Никольск-Уссурийский. Так сложилась ситуация, благоприятная для японского наступления в глубь Приморья, навстречу чехам. Мешал этому только английский офицер Александр Васильевич Колчак. Тогда он был отозван японским командованием со своей должности, за которую, впрочем, совсем не держался. Адмирал покинул Харбин 30 июня и явился к начальнику генерального штаба Японии генералу Ихаре, который, однако, предложил ему остаться в Японии и не возвращаться назад. Александру Васильевичу пришлось подчиниться – так он был отстранен от военных дел. В своем прощальном письме, отправленном перед отъездом Орлову, Колчак уверял, что в Японии он будет искать материального обеспечения для дальнейших действий на Дальнем Востоке.

В Токио адмирал снова встретился с Анной Васильевной. Они отправились отдыхать. Выяснив в ходе поездки, что японцы и далее будут всячески препятствовать его действиям на Дальнем Востоке, Колчак думал о продвижении на Юг для соединения с Алексеевым и Корниловым (адмирал не знал, что Корнилов погиб еще в апреле, а Алексеев все чаще болел). И все же 16 сентября 1918 года бывший адмирал Черноморского флота отправился в родной город из него город Владивосток, куда прибыл 20 сентября.

ВЛАДИВОСТОК 1918-ГО

Это была последняя поездка Александра Васильевича во Владивосток. Он приехал с Анной Васильевной, и именно здесь были оформлены документы о разводе ее с мужем Сергеем Николаевичем Тимиревым – героем Русско-японской войны, контр-адмиралом, другом Колчака. Так Анна Васильевна стала считаться гражданской женой Александра Васильевича, несмотря на то, что его брак с Софьей Федоровной официально не был расторгнут.

В гавани Владивостока находилось множество иностранных военных судов. В городе всем заправляли чехи и японцы. Колчак созвал совещание морских офицеров, на котором сказал, что из всех соперничающих правительств он поддержал бы Сибирское. Тогда же он встретился с Радолой Гайдой, который подумал, что «безработный адмирал ищет, куда пристроиться». Разговор, однако, у них был долгий. Гайда сказал тогда, что «Директория» – предприятие нежизнеспособное, а на вопрос Колчака, какая форма правления в данных условиях приемлема, ответил – только военная диктатура. Адмирал же в это время видел на посту Верховного главнокомандующего и диктатора только своего давнего кумира генерала Алексеева. На следующий день Гайда покинул Владивосток. По пути он

Ресторан во Владивостоке, 1918 год

встретил Виктора Николаевича Пепеляева – будущего председателя совета министров у будущего верховного правителя. В разговоре речь вновь зашла о необходимой Сибири диктатуре, кандидатуру Алексева Гайда сразу отверг, после чего назвал имя Колчака, добавив, что убеждение чехов он возьмет на себя. Вскоре и сам Александр Васильевич покинул Владивосток и 13 октября оказался в Омске, планируя перебраться оттуда на Юг. В тот же день адмирал написал Алексееву письмо, в котором говорил о своем желании поступить в

полное распоряжение генерала. Однако в Омске местные власти попросили Колчака задержаться. В разговорах Омские военные, которым Колчак наносил визиты, в один голос твердили, что «Директория» – это «керенщина», которая приведет к новой катастрофе, а 16 октября главнокомандующий войсками «Директории» Василий Георгиевич Болдырев предложил Колчаку пост военного и морского министра. Адмирал согласился, но добавил: **«Считаю необходимым в ближайшее время уехать на фронт для того, чтобы лич-**

но объехать все наши части и убедиться в том, что для них требуется». Далее Сибирское правительство и «Директория» вступили в переговоры о составе общего органа власти – Всероссийского правительства. На место его главы среди прочих была предложена и кандидатура Александра Васильевича. Против нее Сибирское правительство в большинстве своем не возражало. Между тем адмирала узнавали на улицах Омска, а газета «Сибирский вестник» опубликовала статью, в которой говорилось, что **«адмирал Колчак, несомненно, является одним из самых популярных героев настоящей мировой войны»**.

В итоге не оправдавшее себя Сибирское правительство сложило все полномочия, и 5 ноября состоялось совместное заседание «Директории» и Всероссийского правительства, а 7 ноября Колчак приступил к исполнению обязанностей военного и морского министра, на следующий же день отправившись на фронт. В его отсутствие против «Директории» созрел заговор, организованный Пепеляевым и Михайловым. Вскоре к ним присоединились казацкие офицеры и полковник Дмитрий Антонович Лебедев, считавшийся представителем Деникина. Мнения историков о том, знал ли о перевороте

Колчак, не однозначны. В эти дни в Омск пришло известие о смерти генерала Алексеева, а после – об окончании Первой мировой. Вопрос о кандидатуре диктатора стал все актуальнее, появился даже список

Анна Васильевна Тимирева

диктаторов, который возил с собой Лебедев. 17 ноября адмирал, крайне недовольный состоянием увиденной им армии, вернулся в Омск. В этот день дом, в котором проходило заседание ничего не подозревающих эсеров «Директории», был оцеплен, а основные члены «Директории» арестованы. Сразу после мятежа, согласно результатам голосования, верховным правителем был избран Колчак, который сказал

тогда, что **«принимает избрание его от Совета министров в верховные правители и что он в политике своей не пойдет ни по пути партийности, ни по пути реакции, а главной задачей своей государственной работы, в тесном единении с Советом министров, поставит организацию и снабжение армии, поддержание в стране законности и порядка и охрану демократического строя»**. Александру Васильевичу было присвоено звание адмирала флота, то есть полного адмирала. Англичане поддержали его с самого начала. Полковник Уорд сообщил, что расквартированный в Омске английский батальон находится в его распоряжении. Командир итальянского батальона, прибывшего в Красноярск, приветствовал Колчака как верховного правителя.

Суть новой для него верховной власти, которую все называли «диктатурой», адмирал определял следующим образом: **«Единоличное верховное командование может действовать с диктаторскими приемами и полномочиями только на театре военных действий и в течение определенного, очень короткого периода времени, когда можно действовать, основываясь на чисто военных законоположениях»**.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЕ НАСТУПЛЕНИЕ

24 ноября 1918 года в «Правительственном вестнике» была опубликована декларация, в которой было сказано:

«Считая себя правомочным и законным преемником всех бывших до конца октября 1917 года законных правительств России, правительство, возглавляемое верховным правителем адмиралом Колчаком, принимает к неперемennomу исполнению, по мере восстановления целокупной России, все возложенные на государственную казну денежные обязательства, как то: платеж процентов и погашений по внутренним и внешним государственным займам, платежи по договорам, содержание служащих, пенсии и всякого рода иные платежи, следуемые кому-либо по закону, или по другим законным основаниям».

После этого французы и чехи стали лояльнее. Однако так и не получивший от них материальной помощи Колчак в отчаянии издал приказ, согласно которому французский генерал, в будущем – противник Колчака, Морис Жанен вступил в командование всеми войсками в Сибири, кроме русских и японских, а глава британской миссии генерал Альфред Нокс занялся снабжением русских армий и помощью тылу: заведовал поступающим из Вели-

кобритании снабжением для Русской армии Колчака, создал школу с британскими инструкторами для подготовки офицеров. Жанен был разочарован, а Нокс взялся за дело, тем более что за ним стоял Черчилль, желавший победы белых в России. Однажды, узнав о том, что большая партия его обмундирования попала к красным, Нокс потребовал себе орден Красного Знамени.

Чехи же перед тем, как покинуть фронт, передали новому командованию свою идею – на-

ступать не на Москву, а на Вологду, чтобы соединиться с архангельскими белогвардейцами и получать помощь через Архангельск и Мурманск. Несмотря на опасность этого предприятия, Болдырев заинтересовался им, а генерал Нокс поддержал. Главным в этом наступлении должен был быть чехословацкий генерал Гайда и екатеринбургские войска. Противостояли им силы Красной армии в количестве 24 тысяч штыков и сабель. Гайда имел почти двойное превосходство.

Наступление началось 27 ноября. 29 ноября вперед вышла ударная группировка. В непрерывных сражениях, при 20-градусных морозах, продвигаясь по колено в снегу, солдаты Пепеляева за полмесяца преодолели расстояние в 100 верст и 14 декабря взяли узловую станцию Калино, отрезав от Перми отступавшие с севера соединения красных. 10 декабря начала наступление последняя чехословацкая часть, остававшаяся на русском фронте. В одном из первых же сражений чехи потеряли 30 человек, что произвело на них очень тяжелое впечатление, и они заявили, что дальше не пойдут. 20 декабря Уральская и 2-я Чехословацкая дивизии выбили из Кунгура войска Блюхера. После Кунгура чехословацкие войска окончательно оставили фронт, а части Красной армии отошли к Перми, которая была окружена рядами окопов и проволочных заграждений.

24 декабря Пермь перешла в руки белых. В плен была взята 21 тысяча красноармейцев. Всего в декабрьских боях советская 3-я армия потеряла почти половину состава. После этого части генерала Пепеляева продвинулись вперед и встали у станции Шабуничи. Еще в начале декабря красные, наступающие на Уфу, были остановлены, но красные вскоре возобновили наступление и 31 декабря вошли в Уфу. Генералы Владимир Оскарович Капель (командир 1-го Волжского («Капелевского») корпуса) и Сергей Николаевич Войцеховский (бывший командир чехословацкого стрелкового полка) отвели свои войска на правый берег реки Белой. Но оставление Уфы открыло Оренбург для удара с севера. Известие же о взятии Перми вызвало ликование в Омске, а Колчак был награжден орденом Святого Георгия 3-й степени.

В конце декабря произошла реорганизация колчаковского войска: Камская и Самарская группировки были преобразованы в Западную армию, а Екатеринбургскую группировку преобразовали в Сибирскую армию, командовал которой Гайда, о котором чехословацкий военный министр Штефанек сказал адмиралу: *«Гайда вас погубит: или будет фельдмаршалом, или придется изгнать его с позором»*. Позже появилась и Южная армия. На базе войск Юго-Западного фронта была образована Оренбургская отдельная армия под командованием генерала Дутова.

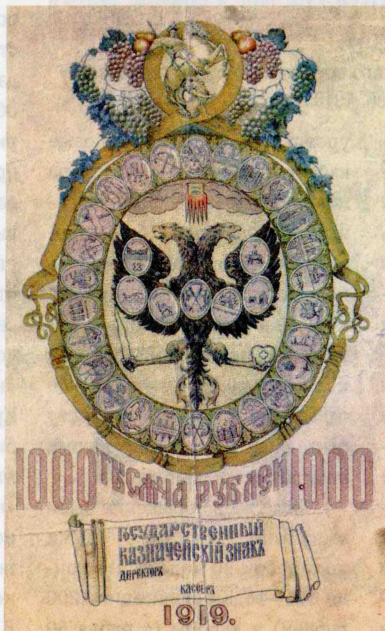
В середине декабря в Омск приехала Анна Васильевна. Она устроилась на частной квартире и поступила работать переводчицей в Отдел печати при Управлении делами Совета министров и верховного правителя.

Итак, к 1 января 1919 года красные контролировали территорию, на которой проживало 72 413 человек, белые же — территорию с 34 137 человек. 14 января 1919 года «Правительственный вестник» опубликовал новогоднюю декларацию правительства Колчака, которая призывала сплотиться вокруг правительства в борьбе с большевиками. Кроме того, Верховным правителем за короткое время был создан дееспособный государственный аппарат.

СИБИРСКИЕ ФИНАНСЫ

Следующей важной проблемой после транспорта в Сибири было денежное обращение. Предшествующие описываемым события Гражданской войны привели к тому, что основная часть российского золотого запаса (более 700 миллионов золотых рублей) оказалась в Омске. На территории, занятой большевиками, этот запас не превышал 600 миллионов. На юге у Деникина и на севере у генерала Миллера и вовсе ничего не было. К тому же печатные станки и нужная бумага были только у большевиков. Первые советские рубли были напечатаны для утверждения новой власти, хождение их было ограниченным. Признаваемыми по обе стороны денежными знаками оставались дореволюционные купюры – «роمانовские»: их продолжали печатать большевики. Имели хождение и деньги, выпущенные при князе Львове, которые ошибочно называли «керенскими». Были и «керенки» – маленькие купюры достоинством в 20 и 40 рублей. Напечатано их было на десятки миллиардов рублей. Все эти банкноты должны были обеспечиваться неким золотым запасом, а именно отчасти и омским. Часть бумажных денег попадала на территорию Омского правительства. Так, при

взятии Перми среди трофеев оказались советские «керенки» – то есть выходило, что омское правительство невольно финансировало большевиков. Желая избежать подобных казусов, в октябре 1918 года

Неутвержденный проект денег правительства Колчака

Сибирское правительство решило выпустить собственные деньги.

Выпущенные тогда купюры достоинством от 500 до 5 000 рублей получили форму «5-процентных краткосрочных обязательств Государственного казначейства Сибири». Они ходили на казначейские обязательства военного времени.

Были выпущены и разменные знаки достоинством 5 рублей. Позже к ним добавились казначейские знаки 1 и 10 рублей и краткосрочные обязательства 25, 50, 100, 250 рублей. Сибирские деньги стали ходить среди населения. Печатались они в нескольких городах – Омске, Иркутске и Екатеринбурге. Но омская власть не могла обеспечить денежной массой все подконтрольные территории от Урала до Тихого океана. Особо острой была нехватка мелких разменных денег. На фронте и в тылу доставляли жалованье в очень крупных купюрах, так что даже раздать его было невозможно. Колчак подверг критике работу министра финансов Михайлова, обвинявшего его в бездействии, повлекшем денежный кризис. Ему было сказано, что руки его могут «оказаться в крови», на что Михайлов ответил, что руки его «не в крови, а в типографской краске», так как он с утра до вечера сидит в типографии, печатающей денежные знаки. Вот мнение современника: *«Рядом с вакханалией спекулянтов офицеры и их семьи, чиновники влачили жалкое существование, нуждаясь в самом необходимом... Допустить до этого было громадной ошибкой правительства. Оно обязано было*

Казначейский знак Сибирского временного правительства.
10 рублей. 1918 год

какою угодно ценою, переводом жалованья в золотые рубли, уплатой иностранной валютой – парализовать это последствие инфляции и не допускать до того, чтобы те, кто отдавал жизнь на фронте, и их семьи жили жизнью нищих». Однако Колчак и Министерство финансов стойко стояли на страже золотого запаса.

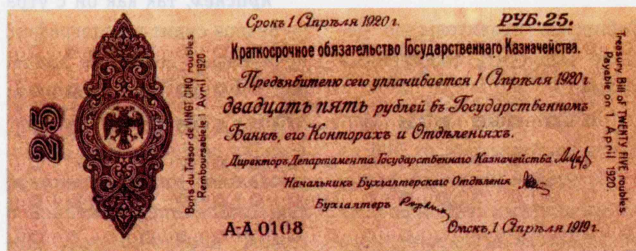
Лишь к лету 1919 года денежным подкреплением были обеспечены все отделения Государственного банка. Изначально денежные знаки планировалось выпускать совместно техническому

уровню того времени, но позже качество печати снизилось: на новых деньгах не было водяных знаков, бумага была простой, и их быстро научились подделывать местные жители, а также китайцы и японцы. Ситуация с подделками привела к тому, что Владивостокское отделение Госбанка попросту отказалось от тысячерублевых сибирских «обязательств».

Тогда же в обращение были выпущены денежные знаки номиналом 50 копеек, а в конце 1919 года – облигации (200 рублей) и купоны (4 рубля 50 копеек) Внутреннего выигрышного займа 1917 года, напе-

чатанные American Banknote Company по заказу омских властей. Обладая наилучшим исполнением и качеством бумаги, «американские» денежные знаки выгодно отличались от всех остальных, выпускавшихся на востоке России в 1918–1920 годах.

В итоге эмиссия денег антибольшевистскими правительствами Сибири в 1918–1919 годах унифицировала денежное обращение на обширных территориях востока России. Как и другие эмитенты периода Гражданской войны, омская власть, выпуская новые банкноты, представляла их как «настоящие» и «твердые», противопоставляя себя политическим оппонентам, которые печатали всего лишь «необеспеченные бумажки». Кроме активной эмиссии в Сибири проводились и мероприятия по изъятию из обращения «кереенок» и местных денег, но по причине непродуманности этих реформ население несло значительные убытки. В итоге к осени 1919 года антибольшевистская государственность востока России практически полностью утратила влияние на денежный рынок. Таким образом, финансовые неудачи Омской власти стали составляющей частью общего кризиса внутренней политики колчаковского правительства. В совокупности же с поражениями на фронте неуспех внутренней политики негативно сказался на имидже власти и предрек падение колчаковского государства.

Краткосрочное обязательство Государственного Казначейства.
Омск. 1919 год

ВОСТОЧНЫЙ ФРОНТ. 1919 ГОД

В начале января 1919 года Колчаком и высшим военным руководством было решено нанести главный удар по 5-й красной армии, сосредоточенной в районе Уфы. При этом главным направлением по-прежнему оставалось северное: Пермь – Вятка – Вологда. Соединившись с белыми силами Архангельского района, предполагалось повернуть на Москву. Верховный правитель заявил: *«Кто первый попадет в Москву, тот будет господином положения»*. До начала генерального наступления нужно было восстановить положение, существовавшее до декабрьского наступления красных на Уфу: западная армия должна была разбить 5-ю советскую армию, овладеть районом городов Бирск – Уфа – Стерлитамак – Белебей и выдвинуться на линию реки Ик, к границам Казанской и Самарской губерний. Одновременно Сибирская армия должна была вытеснить противника из района Сарапул – Вятка – Ижевский завод. Целью всего наступления было занятие Москвы, но план взаимодействия колчаковских армий был практически сразу сорван, а плана действий после перехода Волги не было вовсе.

Вразрез этим планам 21 января Красная армия заняла Оренбург и Орск, пыталась начать наступление на Кунгур. Еще одним препятствием ста-

Американцы в Сибири

ли уральские бураны: с церковей срывало кресты, заносило дороги и железнодорожные пути. В феврале, как только спали морозы, начала свое наступление Красная армия. Группа Чапаева захватила тогда большую станицу Сломихинскую, а Уральская группа красных – Лбищенск. Заново была сформирована и ударная 25-я дивизия под командованием Чапаева, которая должна была разгромить войска оренбургского атамана Александра Ильича Дутова. К февралю стараниями Сталина и Дзержинского северный красный фланг был хорошо укреплен, в отличие от разложившегося южного, который Сибирская армия могла уничтожить, если бы задуманное наступление началось вовремя. Из-за волнений в войсках, потери Уфы, Оренбурга и Уральска, оно задержалось на месяц. К марту, когда белое наступление все же началось, на южном фланге у

Колчака обнаружилась окрепшая 40-тысячная группировка под командованием Фрунзе. В районе Перми у колчаковцев была развернута Сибирская армия Гайды (около 50 тысяч человек, с направлением удара на Ижевск – Глазов – Вятку). Южнее находилась Западная армия генерала от артиллерии Михаила Васильевича Ханжина (43 тысячи человек с направлением Уфа – Самара). Ей подчинялась 14-тысячная казачья Южная группа, а на Оренбургское направление нацеливалась Отдельная казачья армия Дутова из 15 тысяч человек. В резерве у Колчака оставался еще Волжский корпус генерала Каппеля.

Начала операцию Сибирская армия. 4 марта корпус Пепеляева форсировал по льду не вскрывшуюся еще реку Каму между городами Осой и Оханском. Эти города были взяты. За 7 дней упорных боев большевики отошли на 90–100 ки-

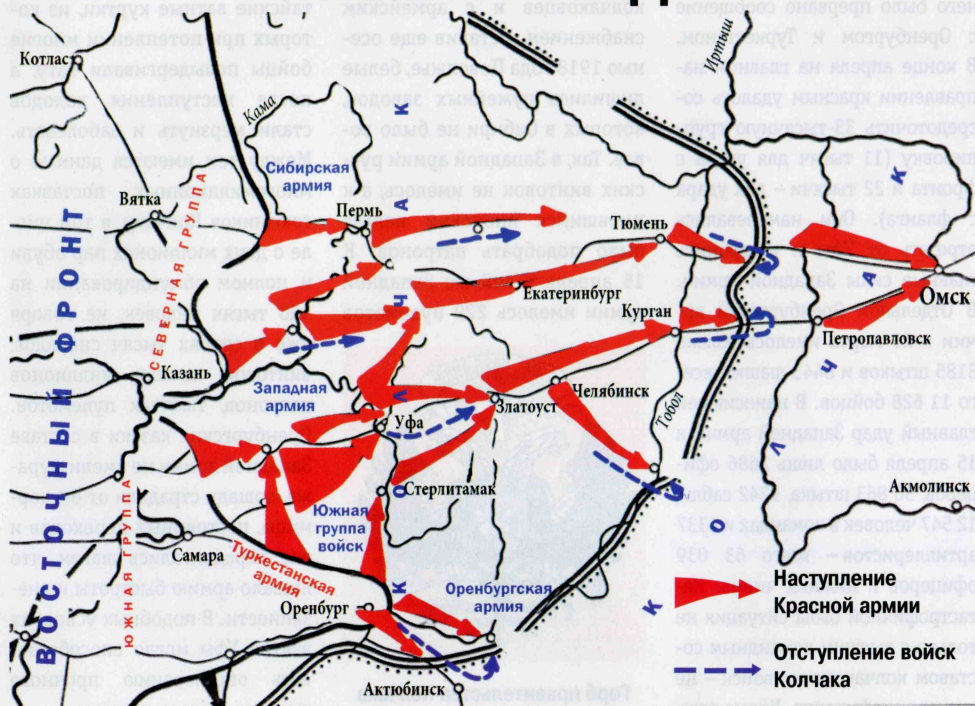
К началу марта в Западно-Сибирской армии было **137 тысяч человек, 352 орудия, 1361 пулемет**. Противостояли адмиралу **6 красных армий Восточного фронта, состоящие из 125 тысяч человек, 422 орудия, 2085 пулеметов** – преимущество в живой силе было незначительным, но в вооружении белогвардейцы уступали.

лометров, но прорыв все же не удался. Практически в то же время под Уфой попыталась перейти в наступление 5-я красная армия, но нарвалась на армию Ханжина. 13 марта белые заняли Уфу. Красные бежали и **иногда бросали шинели и даже сапоги**. На следующий день Ханжин перешел в наступление. Его ударная группа обрушилась на красных севернее Уфы и прорвала фронт, довершая поражение 5-й армии. Белые заняли Бирск и Мензелинск, вышли к Каме и разрубили красный Восточный фронт надвое. 5-й красной армии грозило полное уничтожение, она оставила Уфу и бежала.

Красное командование, однако, дало директиву вернуться и оборонять Уфу до последней капли крови, но связь между частями уже не было. Остатки 5-й армии рассыпались, что спасло их от гибели в окружении. 14 марта белые без боя заняли Уфу, причем, по некоторым данным, в плен тогда чуть не попал сам Троцкий... Южная казачья группа была оттянута прикрывать разрыв между частями генералов Ханжина, Дутова и командира уральских казаков Владимира Сергеевича Толстова. В результате чего в самом начале наступления было потеряно громадное преимущество белых в

коннице. Вместо того чтобы пройти рейдами по красным тылам, все кавалерийские силы белых оказались заняты не свойственным кавалерии делом – осадой Оренбурга и Уральска. А корпуса Ханжина, преследуя красных, стали теряться в бескрайних степях. Таким образом, фронт красных был разрушен, после чего необходимо было объединить силы Западной и Сибирской армий, но этого сделано не было. Между тем началась весенняя распутица, и движение к Самаре остановилось. Залитая водой степь стала преградой для наступления белых и для отхода красных. 10 марта Сибирская армия взяла все же город Сарапул, а после – Ижевск. В устье Камы вошла белая флотилия с десантом, и армия Ханжина еще одерживала победы. А 25 марта на крайнем северном фланге войска Сибирской армии в районе реки Печоры соединились с частями архангельского правительства. Наблюдая отступление 5-й красной армии, белое командование забыло об осторожности и стало вести наступление сразу по пяти направлениям – Оренбургскому, Бузулукскому, Белебеевскому, Бугульминскому и Мензелинскому. В ходе этого часть войск Колчака повернула на юго-запад, на Бузулук, а основная колонна продолжила двигаться на Оренбург.

ПОСЛЕ ПОБЕД

Восточный фронт весной-летом 1919 года

Армия Сибири продолжала одерживать победы. В начале апреля вся река Кама стала белой. Колчаковцы вышли к Волге. Под угрозой была Казань. На двух направлениях сибиряки подступали к Самаре. Здесь завязались тяжелые бои с красными, но группировка Фрунзе осталась в стороне и угрожала армии Ханжина. 10 апреля на пост командующего 5-й армией был назначен Михаил Николаевич Тухачевский.

К 22 апреля колчаковцы начали переправу через реку Салмыш, намереваясь перерезать

железную дорогу, которая связывала Оренбург с Москвой. 21 апреля колчаковцы прорвались к Каме в районе села Бережные (Набережные) Челны, где ими было захвачено 18 пароходов и 47 барж. 26 апреля, опасаясь выхода войск Колчака на Волгу, Ленин телеграфировал на Восточный фронт: **«Надо принять экстренные меры помощи Чистополью. Достаточно ли внимательно отнеслись Вы к этому? Все ли возможности исчерпали? Телеграфируйте».** В этот день белые взяли Чистополь. К середине апреля на центральном участке фронта

Западной армии, от Камы до оренбургских степей, решалась судьба всего Восточного фронта, а возможно, и всей страны. Красное командование начало стягивать все силы с флангов к центру. Так, 40-тысячной Западной армии противостояла уже 24-тысячная 5-я красная армия. Сибирская армия наступала в основном в Прикамье – по направлению к Волге. Положение красных осложнялось недружелюбным отношением местного населения и восстаниями в тылу. Так, стратегически важная станция Кинель, возле Самары, несколько дней в марте находилась

в руках повстанцев, вследствие чего было прервано сообщение с Оренбургом и Туркестаном. В конце апреля на главном направлении красным удалось сосредоточить 33-тысячную группировку (11 тысяч для удара с фронта и 22 тысячи – для удара с фланга). Они намеревались отрезать от Уфы и разгромить главные силы Западной армии. В Отдельной Оренбургской армии к 29 марта имелось только 3185 штыхов и 8443 шашки, всего 11 628 бойцов. В наносившей главный удар Западной армии к 15 апреля было лишь 2686 офицеров, 36 863 штыха, 9242 сабли, 12 547 человек в командах и 4337 артиллеристов – всего 63 039 офицеров и нижних чинов. Катастрофичной была ситуация не только с высшим командным составом колчаковских войск – не хватало и офицеров. Кроме того, проблемной была дисциплина. На белом Востоке практически не было ни одного начальника, который бы в условиях Гражданской войны не совершил дисциплинарных проступков – любой воинский начальник вел себя подобно атаману. Пепеляев писал о Сибирской армии: *«Полки тают и нечем их пополнить. Приходится мобилизовать население занимаемых местностей, действовать независимо от какого-либо общего государственного плана, рискуя получить за свою работу кличку "атаманство". Приходится создавать импровизированные кадровые части, ослабляя части боевые».*

Сложности возникали у колчаковцев и с армейским снабжением. Оставив еще осенью 1918 года Поволжье, белые лишились ружейных заводов, которых в Сибири не было вовсе. Так, в Западной армии русских винтовок не имелось, а к имевшимся японским нельзя было подобрать патронов. К 15 апреля в той же Западной армии имелось 229 пулеметов

Герб правительства Колчака
(вариант)

системы «максим», 137 – «люйс», 249 – «кольт», 52 – прочих систем, всего 667. В 44 батареях было 85 трехдюймовок, два 42-линейных орудия, восемь – 48-линейных, семь – прочих систем и один бомбомет. Из-за плохой связи сорвалось наступление белых на Оренбург в начале мая. Не хватало бензина. Согласно документам, в частях Северной группы Сибирской армии *«люди босы и голы, ходят в армяках и лаптях... Конные разведчики, как скифы 20 века, ездят без седел, обувь у большинства разваливалась, шли по колено в грязи».* Оренбургские казаки

вместо шинелей носили китайские ватные куртки, из которых при потеплении многие бойцы повыдергивали вату, а после наступления холодов стали мерзнуть и заболеть. Между тем имеются данные о многомиллионных поставках союзникам Колчаку, в том числе о двух миллионах пар обуви и полном обмундировании на 360 тысяч человек, не говоря уже о сотнях тысяч снарядов, винтовок, сотнях миллионов патронов, тысячах пулеметов. Оренбургские казаки в составе Западной армии не имели фуража, лошади страдали от бескормицы, постоянных переходов и еле передвигались шагом, что лишало армию быстроты и внезапности. В подобных условиях взятие Уфы могло способствовать образованию прочного тыла, но и это не удалось.

Несмотря ни на что, Западно-Сибирская армия собралась продолжить наступление, но, увидев холмы Заволжья, занятые красными, решила вернуться. Кроме того, красные прорвали Бузулукский фронт, а Сибирская армия была истощена. Численный состав некоторых полков уменьшился до 200–300 человек. Ставка была вынуждена выдвигать на фронт свой резерв – Волжский корпус генерала Каппеля. Он должен был удержать красных, рвущихся к Уфе, но накануне один генеральский полк перешел к красным. Наступление отменили. Некоторые части, особенно потрепанные, при-

шло отправить на отдых. Колчак, прибывший тогда на фронт, пожелал увидеть одну из таких частей. Перед ним прошагали солдаты в опорках, босиком, почти все без шинелей.

Но красным все же не удалось отрезать Западную армию от Уфы, и она все еще наступала. На Симбирском направлении белые дошли до станции Шентала и города Сергиевска и оказались в 40–50 верстах от Волги. Ближе подойти не удалось. В последующие дни Сибирская армия продвинулась еще дальше, к нижнему течению реки Вятки, вплоть до ее устья, и здесь остановилась. Еще в конце мая выяснилось, что красные наносят удары по двум направлениям – на Уфу и Красноуфимск. Фронт был прорван. Утром 26 мая в штаб Верховного правителя была доставлена телеграмма командующего Сибирской армией, в коей описывалось катастрофическое положение на фронте. Вина за

это возлагалась на генерала Лебедева, который, как говорилось, направляет на фронт «безумные директивы» и роняет авторитет верховного правителя. Командование фронтом вручили генералу Михаилу Константиновичу Дитерихсу. Гайда же отказался выполнять его распоряжения, в результате чего был отстранен Колчаком от командования. Гайде выдали 70 тысяч франков золотом и отправили во Владивосток особым поездом, где он стал обрастать «обиженными» на Колчака и задержался. Тем временем части Западной армии стягивались к Уфе. **Соотношение сил было следующим: 65 тысяч штыков и сабель у красных против 29,6 тысячи в Западной армии.** В результате красные получили возможность обстреливать Уфу, а 9 июня красные заняли город. В целом весеннее наступление Колчака многие считали авантюрой, его называли даже **«шалым военным полетом**

к Волге». Последним успехом Сибирской армии стало взятие в начале июня города Глазова на Северной железной дороге – на полпути между Пермью и Вяткой. Виновником неудачного весеннего наступления Колчака на Москву многие склонны были считать полковника Лебедева. Но северу России в принципе не везло с квалифицированными командными кадрами: **«Уму непостижимо, удивлению подобно, до чего долготерпелив наш страстотерпец рядовой офицер и солдат. Каких только опытов с ним ни производили, какие при его пассивном участии кунштюки ни выкидывали наши «стратегические мальчишки», – Костя (Сахаров) и Митька (Лебедев) – а чаша терпения все еще не переполнилась»,** – говорил начальник штаба Западной армии генерал-майор Сергей Арефьевич Щепихин.

«КОЛЧАКОВЩИНА»

Мешали успешно наступлению Западно-Сибирской армии городские и крестьянские восстания против политики Верховного правителя, что оказывало разлагающее влияние и на войска. После всех событий осени 1918 года диктатуру Колчака так и не признали окончательно. В Сибири продолжали считать, что пост Верховного правителя еще в июле 1918 года занял генерал, ин-

женер-путеец по образованию Дмитрий Леонидович Хорват («Дмитрий Самозванец»). Поддержку ему оказывал Восток, были попытки наладить связь с дальним Западом и Европейской Россией. В апреле с юго-запада России проезжали на Восток уполномоченные генерала Корнилова, через которых последний пытался связаться с Сибирью. И самое главное – сторонниками генерала Хорвата были японцы.

Именно восточное влияние стало причиной установления диктатуры (идея которой в принципе зародилась на Востоке), и, в частности, так называемой «колчаковщины». Разница между диктатором восточным и сибирским заключалась лишь в охватываемых масштабах, которые в России периода Гражданской войны оказались несравнимо большими. Первым событием, имеющим отношение к диктаторской политике адмирала, было восстание в Омске в декабре 1918 года. Это было одно из восстаний, которые за время правления Колчака периодически вспыхивали, но быстро и очень жестоко подавлялись. Весь штаб омских повстанцев тогда арестовали еще накануне выступления и тут же расстреляли. Неизвестно, проводились ли эти расстрелы «именем Колчака», но он точно знал о происходившем. Тогда в крепости, в большом зале гарнизонного собрания, заседал военно-полевой суд, состоящий из трех человек. 13 осужденных отвезли на левый берег Иртыша. Позже появились документы об изуродованных трупах, и весь мир облетела весть об «офицерском самосуде». О реакции на это адмирала существуют разные сведения. Говорили, например, что, узнав о расстрелах, он бился в истерику, но, ничего не предприняв, стал соучастником преступлений.

Жертвы «колчаковщины»

Издательства над трупом убитого большевика

На протестные настроения в Сибири оказали влияние и, как ни странно, англичане. В прессу попали слова английского полковника Уорда, который по дороге из Харбина увидел, что на всех станциях русской железной дороги **«болтаются какие-то красные лоскутки вместо флагов»**. Тогда он спросил: **«Где же ваш старый национальный флаг? Почему вы от него отказались?»** А на одном из иркутских банкетов Уорт заявил вдруг, что **«если бы в Англии появились такие же реформаторы, как в России, проповедующие грабёж и убийство и нагло нарушающие вековые национальные традиции, то мы, англичане, при всем нашем уваже-**

нии к суду и к законности, не нашли бы для таких людей иных слов, кроме слов негодования, и они за свою пропаганду ответили бы своей головой». Эти слова сибирская оппозиция встретила громом аплодисментов. Уорд же вез свои либеральные идеи все ближе к Омску, где стали появляться явные антиколчаковские настроения. С самого начала присоединилось к городским восстаниям сибирское крестьянство, подвергавшееся после жестоким наказаниям. В то время по Сибири ходили рассказы о постыдных истериках и нервных припадках сибирского правителя, о том, что на приемах он стучал кулаками, кричал: **«Разогнать!»** и **«Повесить!»**.

Сибирских крестьян адмирал вовсе не знал и даже никогда не видел. Они же представляли его каким-то иностранцем и фамилию его произносили неправильно – **«Толчак»**. Александр Васильевич заявлял, что его правительство не может взять на себя окончательное решение земельного вопроса и что решать его должно во всероссийском масштабе. Эта речь Колчака была напечатана и распространена среди крестьян, а настоятель Челябинского собора благословил адмирала. Несмотря на это, еще зимой у армии правителя возникли сложности с противодействующими партизанскими отрядами, которые периодически формировались, угрожая безопасности железной до-

роги и фронта. Так, Камарчагский фронт, проходивший в пяти верстах от магистрали, прикрывал собой целую «партизанскую республику», которая просуществовала полгода. Войсками этой республики командовал беглый, подлежавший мобилизации офицер Александр Диомидович Кравченко, злоупотреблявший спиртным, отчего власть в свои руки взял его помощник, вы-

шедший из солдат большевик. Он распускал слухи о том, что **«во Владивосток приехал великий князь Николай Николаевич, ему подчинились Ленин и Троцкий, коих он назначил своими министрами, и только "вампир Колчак" оказывает сопротивление, а потому надо всем встать на борьбу за царя и советскую власть»**.

Такие партизанские отряды начали нападать на чехов, и в мае

чехословацкая дивизия перешла в наступление, отодвинув повстанцев от железной дороги. Таким образом, Камарчагский фронт стал Манским, по имени реки Маны, на границе безлюдного района тайги, куда загнали партизан войска Колчака. К середине июня повстанческая армия была разбита.

Борьба с подобного рода партизанскими отрядами была крайне ожесточенной. Чехословацкие солдаты наткнулись на трупы своих плененных товарищей со следами страшных пыток. Каратели расстреливали пленных без суда, брали среди населения заложников, которых тоже часто расстреливали, устраивали порки или накладывали контрибуцию на целую деревню.

Об адмирале же говорили, что для него всегда было сущим мучением подтвердить смертный приговор. Пленных коммунистов он приказывал расстреливать, при этом добавляя: **«Или мы их перестреляем, или они нас»**.

Из материалов допроса Колчака в Иркутске 1920 год: «Я знал два или три таких случая, где деревни были сожжены, и я признал это правильным, потому что эти случаи относились к деревне Степно-Баджейской, которая была сожжена повстанцами. Это была укрепленная база повстанцев, следовательно, она могла быть разрушена и уничтожена как всякое укрепление. Второй

случай — Кийяское и третий случай — Тасеево, где-то на севере, я точно не могу сказать. Но эти случаи, как мне представлялось, носили военный характер, потому что это были укрепленные пункты, которые уничтожались в бою; это были база повстанцев, и если база была взята, то она должна быть уничтожена для того, чтобы ею не могли воспользоваться впоследствии».

ВОЗВРАЩЕНИЕ

В середине 1919 года численность Красной армии составляла уже 1,5 миллиона человек. Никто из белых вождей – ни Колчак, ни Деникин, ни Миллер, ни Юденич – не мог выставить такую армию. Однако Западно-Сибирская армия сорвала той весной план красных нанести удар в направлении Троицк – Челябинск и выйти в тыл Восточному фронту. Между тем Красная армия продолжала наступление встык между Сибирской и Западной армиями. 20 июня адмирал закрепил за собой должность Верховного главнокомандующего вооруженными силами Российского государства. Командующий Сибирской армией Михаил Константинович Дитерихс стал кроме того главнокомандующим Восточным фронтом. Западной армией стал командовать генерал-майор Николай Павлович Сахаров – кавалер семи боевых орденов, командующий Восточным отрядом Северной Добровольческой армии во время восстания против большевиков в Муроме, после боев сентября 1919 года – самый молодой генерал армии Колчака. С приходом Дитерихса наступательные операции сменились поспешным отступлением. 24 июня красные форсировали реку Уфу и вошли в горные проходы. 2–5 июля в горах развернулось сражение, в результате которого крас-

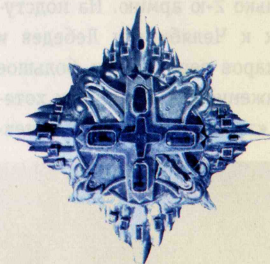

Резиденция верховного правителя в Омске

Крест ордена
«Освобождения Сибири»

Звезда ордена
«Освобождения Сибири»

ОРДЕН «ОСВОБОЖДЕНИЯ СИБИРИ»

Идея ввести «сибирские» орден на проявилась еще во времена «Директории». Омское общество художников и любителей искусств Степного края проводило конкурс на внешний вид награды. В условиях говорилось: «Орден должен воплощать идею Возрождающейся России из смуты Гражданской войны. Символом возрождения могут быть мотивы, заимствованные из русских национальных сокровищ древней орнаментальной мистики и современных графически переданных аллегорий». 25 апреля 1919 года жюри приняло проект ордена Освобождения Сибири – художника Ильина: «Проект Ильина представляет собою крест из малахита, оправленный в серебро, очень прост и оригинален, и исполнение

его могут взять на себя наши Екатеринбургские гранильные мастерские».

17 июня 1919 года было принято окончательное постановление, в котором говорилось, что: «Орден "Освобождения Сибири" есть награда почетная, жалуемая как гражданам Сибири, так и прочим гражданам Государства Российского и подданным иностранных государств, оказавшим заслуги по освобождению Сибири от большевиков, как на поле брани, так и в государственном и общественном строительстве».

У награды было четыре степени. 13 июня орден Освобождения Сибири был учрежден. Сначала изготавливался из золота и серебра, после – из иных материалов.

ные взяли станцию Кропачево. 13 июля белые оставили Златоуст. Медленнее отступала Южная армия. В целях спрямления линии фронта Сибирская армия 1 июля должна была оставить Пермь, но после ухода Радолы Гайды она стала терять боеспособность. 14 июля был сдан Екатеринбург, обнажив правый фланг Западной армии. Для того чтобы исправить положение, Сибирскую армию разделили на 1-ю и 2-ю, сама же Западная армия стала называться 3-й. Спасти удалось только 2-ю армию. На подступах к Челябинску Лебедев и Сахаров решили дать большое сражение – в Челябинск хотели «заманить» армию Тухачев-

ского. Дитерихс был против, но в его отсутствие Лебедеву и Сахарову удалось уговорить адмирала начать операцию. Для этого 3-я и Южная армии были временно выведены из подчинения Дитерихсу и подчинены непосредственно самому Верховному правителю. 24 июля Челябинск был сдан красным. При отходе колчаковцев в городе началось большевистское восстание, а вошедшая армия Тухачевского неожиданно продемонстрировала свою многочисленность и силу. 25 июля перешла в наступление Уфимская группа под командованием Войцеховского, перед которой была поставлена задача обойти Челябинск с севера. Наступле-

ние шло успешно, но Волжская группа Каппеля не смогла обойти город с юга, и армии не смогли сомкнуться. Уральская группа 3-й армии, прикрывавшая Войцеховского с севера, стала отступать под натиском противника, 1-я и 2-я армии не смогли оказать ей никакой помощи. 29 июля красные возобновили общее наступление. 3-я армия отходила с большими потерями, некоторые части остались в окружении и сдались. 4 августа красные взяли Троицк, и Южная армия оказалась отрезанной. После боя, шедшего в ночь с 13 на 14 августа, был оставлен Курган. Через несколько дней красные перешли через реку Тобол.

Военные действия переместились в Сибирь – край, ставший для адмирала «Землей Санникова», которую он когда-то искал.

Жить ему оставалось чуть более полугода. Это был один из наиболее страшных периодов в истории Белого движения. Но об этом – в следующем выпуске.

Досье «Секретные материалы XX века»

представляет

ЛИТЕРАТУРНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ

Дорогие читатели!

С 2013 года мы начинаем знакомить Вас с «литературой не для всех», с «неформатом», то есть — качественной современной прозой. Литературой для души и сердца. Надеемся, что наш труд будет оценен.

*Вечно Ваши
Секретные Материалы.*

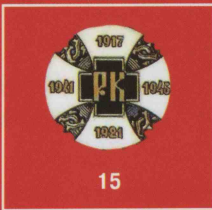
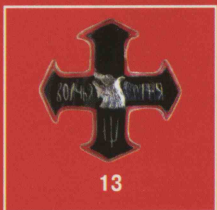
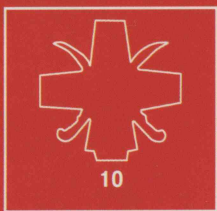
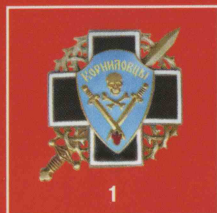
ЗАКАЗ ПО ТЕЛЕФОНУ: +7 (812) 274-57-19, 274-77-94

ЗАКАЗ ПО ПОЧТЕ: E-MAIL: FIN@XFILE.RU, CIRCUL@XFILE.RU

Журнал «Секретные материалы 20 века. Досье» ● учредитель: Химич В.Р. ● издатель в России: ООО МА «Северная Венеция». 191024, Санкт-Петербург, 2-я Советская, д. 27/2, офис 2 ● генеральный директор: Химич В.Р. ● технический директор: Яшин В.В. ● редактор: Трифонова Е.В. ● верстка и обложка: Мурзинова М. Е. ● адрес редакции: Россия, 191024, Санкт-Петербург, 2-я Советская, д. 27/2, офис 2 ● тел. +7(812) 717-11-15 ● e-mail: xfiles@xfile.ru ● коммерческий отдел: тел./факс: +7(812) 274-57-19, 274-77-94 ● e-mail: circul@xfile.ru ● журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия ● свидетельство ПИ №ФС77-26686 от 22.12.2006 г. ● зарегистрирован Государственным Комитетом телевидения и радиовещания Украины ● свидетельство КВ №10312 от 23 августа 2005 года ● отпечатан в типографии ООО «СИНЭЛ». 194233, СПб, ул. Курчатова, д.10, тел. +7 (812) 552-61-46 ● суммарный тираж 100 000 ● подписано в печать: 22. 02. 2013 г. ● заказ №665 ● цена свободная ● проект создан при поддержке Национальной сети распространения прессы «Союзпечать».

Данный номер подготовлен в соавторстве с Петиним Дмитрием Игоревичем, кандидатом исторических наук, главным архивистом Центра изучения истории Гражданской войны, Омская область.

СЕРИЯ «БЕЛАЯ ГВАРДИЯ»

Серия «Досье Коллекция. БЕЛАЯ ГВАРДИЯ»

Следующий номер –
«Великий Сибирский
поход».

Вложение – Крест
атамана Семенова.

Заказ по телефонам: +7(812) 274-57-19, 274-77-94, по почте: e-mail: Fin@xfile.ru, circul@xfile.ru
Заказ можно оформить на сайте: www.xfile.ru

НАША ГАЗЕТА

Подписная цѣна въ мѣс. 5 руб.,
въ 3 мѣс. 12 руб.

Просить сообщенія съ мѣсть не
стѣсняясь формой и изложеніемъ всей прав-
ды о порядкахъ, событіяхъ и настроеніяхъ.

Адресъ редакціи и Конторы:
2 й взвозъ, д. Липатникова. Телефонъ
редакціи 4—52.

Цѣна 20 к.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕДНЕВНО

№ 22

Омскъ Четвергъ 11 сентября 1919 года.

1-й годъ изданія

ВЕРХОВНЫЙ ПРАВИТЕЛЬ АДМИРАЛЬ КОЛЧАКЪ.

Отношеніе большевиковъ къ нашей литературѣ.

Всѣ большевистскіе комиссары и коммунисты на фронтѣ страшно боятся, чтобы наша агитационная литература и газеты не попали въ руки красноармейцамъ.

При занятіи красными деревни или села, комиссары съ коммунистами первыми являются туда и производятъ тщательную дезинфекцію занятаго селенія—отъ «Сибирской чумы»—бѣлогвардейской литературы. Немедленно срываются съ заборовъ и воротъ всѣ бѣлогвардейскіе плакаты, воззванія, объявленія, и отбираются въ крестьянскихъ избахъ всѣ агитационныя брошюры и листовки.

Только послѣ такой генеральной чистки, въ деревню вводятся красноармейцы и расквартировываются по дворамъ.

Когда-же занимается красными городъ, то комендантъ первымъ долгомъ издаетъ приказъ, чтобы вся бѣлогвардейская литература была немедленно доставлена въ комендатуру, подъ страхомъ преданія ослушниковъ—военно-революционному суду. Такъ было, напримеръ, въ Уфе.

Но, несмотря на всѣ «чистки» и приказы, наша агитационная литература все-же попадаетъ красноармейцамъ и украдкой читается ими. Уржускій.

СОВѢТСКОЕ ЧИНОВНИЧЕСТВО.

Никакое государство не можетъ жить безъ чиновниковъ. Самые лучшіе чиновники въ Англіи и Германіи, гдѣ они образованны, мало стоятъ странѣ, честны, аккуратны, знаютъ свое дѣло, гдѣ нѣтъ волокиты.

У насъ въ Россіи чиновничество введено въ жизнь Петромъ I, особенно развилось при Николаѣ I, когда чиновники сдѣлались всѣмъ в государствѣ.

Если обыватель дышалъ, ходилъ по улицѣ, спалъ—то все это совершалось по волѣ начальства и съ его разрѣшенія. Въ Гоголевскомъ «Ревизорѣ» все это выведено до нельзя ясно на театральной сценѣ.

Послѣ Николая I, чиновничество медленно, но неуклонно улучшалось, меньше становилось волокиты, чиновничество становилось все болѣе и болѣе образованнымъ, честнымъ и аккуратнымъ.

Большевики уничтожили всѣ прежніе чиновничьи учрежденія и разогнали чиновниковъ.

Прошло, однако, немного времени. Появились разные комиссарбаты, совѣты, трибуналы.

Воскресло чиновничество, но въ гораздо худшемъ видѣ, а почему?

Лучше, честные, знающіе, прежніе чиновники не пошли добровольно на совѣтскую службу, видя, что изъ совѣтской власти ничего не выйдетъ, что ничего незнающіе и непонимающіе люди не устроятъ жизнь страны, а только ее разрушатъ. Измѣна родинѣ и предательство родины отталкивало всѣхъ честныхъ чиновниковъ отъ большевиковъ.

Добровольно пошли на службу къ большевикамъ худшіе чиновники, попавшіе на высшіе мѣста, а низшіе мѣста заняли ничего непонимающіе молодые люди и дѣвицы, партійные и непартійные. Появилась масса во всѣхъ канцеляріяхъ тунеядцевъ, бездѣльниковъ и бездѣлицъ. Всѣмъ шло хорошее жалованье и продовольствіе натурой. Совѣтскихъ служащихъ въ одной только Москвѣ—около 120 000 человекъ, а во всей Россіи милліоны. Чего они стоятъ странѣ?

Большевики взяли въ свои руки всю хозяйственную жизнь страны. Продовольственные учрежденія, мало что дающія населенію, имѣютъ по всей Россіи десятки тысячъ служащихъ. Канитель въ нихъ страшная. Чтобы купить коробку спичекъ, нужно особое разрѣшеніе, чтобы купить галоси, нужно нѣсколько разрѣшеній, а бѣготни достанетъ на нѣсколько дней.

Развелось масса разныхъ вѣдомствъ, такъ что въ каждомъ губернскомъ городѣ образована особая комиссія, чтобы разбираться, куда нужно направить, то или иное дѣло.

И опять, какъ при Николаѣ I, обыватель живетъ и дышетъ только по волѣ совѣтскихъ мѣстныхъ владыкъ.

Никогда еще народныя деньги не расходовались такъ безконтрольно, непроизводительно и произвольно, какъ при большевикахъ. М. К.

Послѣднія извѣстія.

Передъ сдачей.

Австро-венгерскія газеты сообщаютъ о пораженіи большевиковъ на Днѣпрѣ.

Румыны поставили большевиковъ въ безвыходное положеніе.

Советское командованіе выслало въ Бендеры делегатовъ для переговоровъ о мирѣ.

Румыны требуютъ полной сдачи. Красные вынуждены будутъ пойти на это.

Фронту — за день.

Въ Барнауль на базаръ реквизировали бльевой матерьялъ на 16 милліоновъ. Взято много ваты и перевязочныхъ вещей.

Верхотенское земство образовало дружину въ 50 человекъ. Военныя власти дали вооруженіе.

Закупить готовить теплыя вещи для арміи. Къ ноябрю будетъ послано 200 тысячъ паръ варежекъ.

Братство Св. Гермотена открываетъ мастерскую солдатскихъ шинелей.

Госуд Эконом Совѣщанье хлопочетъ обложить въ афиши и объявленія военнымъ сборомъ.

Гости—Славяне.

Изъ Билграда въ Сибирь направляется делегация Юго-Славян.

Навстрѣчу ей выхалъ консулъ объединенной Югославии Миланковичъ.

Амбары Америки.

Урожай пшеницы въ Америкѣ общается дать полтора милліарда бушелей.

Это—треть мірового урожая.

Большая часть хлѣба будетъ вывезена за границу.

Поддержка казановъ.

Войсковые казачьи капиталы не въ состояніи выплачивать всѣхъ пенсій и пособій казакамъ. Совѣтъ Министровъ разрѣшилъ поэтому выдачу пенсій лицамъ казачьяго сословія временно производить изъ Гос Казначейства.

Амурскому казачьему войску отпущено 342.000 рублей.

Отвѣдали.

Военный министръ Германіи Носке воспретилъ по всей странѣ не только проповѣдь большевизма, но даже обсужденіе и упоминаніе его.

Разоблаченіе происковъ Ленина.

Главный прокуроръ Нью Йорка настаиваетъ о высылкѣ изъ Америки всѣхъ единомышленниковъ «большевистскаго посла» Мартенса.

Мартенсъ сознался, что въ 1914 году онъ зарегистрированъ въ Англии какъ германскій подданный.

Захваченные документы разоблачили работу Мартенса въ Америкѣ.

Мартенсъ имѣлъ задачами помощь большевистскимъ шпионамъ и распространеніе литературы, восхваляющей большевистское правленіе въ Россіи и распространяющей ложь объ успѣхахъ Ленина.

Подъ Кіевомъ.

Украинская пресса сообщаетъ:—Украинскія войска совершенно очистили Кіевъ отъ большевиковъ.

Преслѣдуя красныхъ войска продвинулись вдоль Днѣпра на 50 верстъ сѣвернѣе Кіева.

На фронтѣ.

ОПЕРАТИВНАЯ СВОДКА ШТАБА ВЕРХОВНАГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩАГО.

Ялуторовское направленіе—на фронтѣ арміи идутъ упорные бои съ переменнымъ успѣхомъ. Нашими частями заняты д. д. Козловка, Ряжево, Мелкоозерное, что 30 верстъ юго-западнѣе станицы Карасульская. Въ этомъ районѣ нами взяты плѣнные, пулеметы, винтовки и друг. трофеи. При отступленіи противника отъ д. Милехина, что 10 верстъ восточнѣе Мелкоозерная, уланы безстрашно врезались въ отступающія колонны красныхъ, большое число порубили и много взяли въ плѣнъ. На тракѣ Ишимъ—Курганъ нами, послѣ упорныхъ боевъ, занято село Бердюжное, что 80 верстъ юго-западнѣе Ишима. Противникъ продолжаетъ поспѣшно отходить къ сѣверо-западу и западу. Въ районѣ Чистоозерное, что 80 в. сѣверо-западнѣе ст. Пытухово, захвачены плѣнные, пулеметы и обозы. Противникъ поспѣшно отходить къ сѣверу, сѣверо-западу и къ западу.

Курганское направленіе, — Сѣвернѣе

жельзной дороги наши части, послѣ упорнаго боя, заняли Дубровное и Елошиное, преслѣдуя противника, отходящаго къ западу. Вдоль жел. дороги нашъ броневикъ, съ однимъ пѣхотнымъ полкомъ, сдѣлалъ набѣгъ на ст. Лебяжья, гдѣ разсѣялъ советскій полкъ и вернулся обратно. Петропавловскъ—Звѣриноголовская при взятіи станицы Прѣсновская и пос. Островной, что 80 вер. Юго-западнѣе Макушино, НАМИ РАЗГРОМЛЕНЫ ШЕСТЬ ПОЛКОВЪ КРАСНЫХЪ, частями доблестной дивизіи генерала Круглевскаго, захвачено знамя советскаго полка штабы 4 советскихъ полковъ, штабъ бригады, 8 орудій, 20 пулеметовъ и 400 плѣнныхъ. Сибирскіе казаки подъ начальствомъ ГЕНЕРАЛА ИВАНОВА—РИНОВА ЛИХИМЪ УДАРОМЪ ВЪ ТЫЛЬ КРАСНЫМЪ въ этомъ районѣ захватили болѣе 1800 плѣнныхъ, массу красноармейцевъ порубили, взяли 11 орудій съ зарядными ящиками, болѣе 40 пулеметовъ, большое количество обоза, перевязочный отрядъ и много другихъ трофеевъ, остатки бѣгущаго противника преслѣдуются нашей конницей къ западу.

«Россія въ настоящее время является и впослѣдствіи можетъ быть только государствомъ демократическимъ»

(Нота Верховнаго Правителя союзнымъ державамъ)

Наканунъ великаго исхода изъ Казани.

(Поучительная исторія).

Ровно годъ тому назадъ, какъ мы оставили Казань, а конца нашего крестнаго пути еще не видно... Днемъ 9-го сентября прошлаго пода почти никому изъ казанцевъ и въ голову не приходило, что въ эту ночь они должны будутъ оставить родную Казань.

Въ этотъ день особенно отчаянно бухала съ обѣихъ сторонъ артиллерія, а часамъ къ 12 дня какъ будто начала затихать, а потомъ и совсѣмъ замолкла.

Что это значитъ? думалъ я, и вышелъ на улицу.

Смотрю, идетъ Предѣдатель нашего Квартальнаго Комитета, человекъ съ длинною сѣдою бородою. Здравуемся. Ну что? Какъ?— съ тревогой въ голосѣ спрашиваю я. «Слава Богу! Теперь красные не скоро придутъ въ себя послѣ сегодняшней ветряки! Изъ источника, заслуживающаго понаго довѣрія, я сейчасъ слышалъ, что взять въ плѣнъ самъ Троцкій со всѣмъ его штабомъ. Красные въ паникѣ бѣгутъ по всѣмъ направленіямъ».

Услышавъ радостную вѣсть, одни облегченно вздыхали, другіе благоговѣнно крестились.

Всѣ мы знали предѣдателя нашего Квартальнаго Комитета за человека «кристальной чистости», и потому никому въ голову не приходило не вѣрить тому, что онъ передавалъ. Нельзя было не вѣрить старику.

Утѣшивъ насъ, старикъ поспѣшно зашагалъ къ дому—обрадовать своихъ близкихъ.

Купивъ газеты—«Дѣло Народа» и «Камско Волжскую Рѣчь», побрелъ я домой.

Успокоивъ домашнихъ, я сѣлъ за газету, спокойный тонъ которыхъ еще болѣе убѣдилъ меня, что тревожные слухи не имѣютъ подъ собою достаточной почвы.

Не успѣлъ я прочесть газетъ, какъ снова, сотрясая воздухъ, заухала артиллерія. Зазвенѣли стекла. Какъ коршуны, кружились надъ городомъ непрятельскіе аэропланы.

Ясно было слышно, что непрятельскіе снаряды рвутся гдѣ-то совсѣмъ близко.

Къ вечеру ужъ былъ сплошной ревъ орудій. Снаряды начали рваться въ центрѣ

города. Что же это такое? съ тревогой начинаю думать я.

Въ 7 часовъ вечера выхожу на улицу и покупаю газету «Камско - Волжская Рѣчь». Тонъ газеты совершенно спокойный. На второй страницѣ чернымъ по бѣлому, написано: «За распространѣнне тревожныхъ слуховъ о непрочности Казани виновные будутъ отвѣчать по законамъ военнаго времени».

Въ восемь часовъ уже потасло электричество, и городъ погрузился въ жуткій мракъ...

Со свѣчей закончивъ чтеніе газеты и пожуривъ домашнихъ за ихъ малодушіе я, не взирая на не прекращающійся ревъ орудій, спокойно легъ спать.

Въ 11 часовъ я проснулся отъ шума на улицѣ. Поднимаюсь, подхожу къ окну—и с, ужасъ! я, какъ ни больно мнѣ было въ этомъ убѣдиться, увидѣлъ картину полнаго отступленія...

Какъ будто порвалась гдѣ-то людская плотина, и люди, въ безумномъ страхѣ, обгоняя другъ друга, съ котомками, узелками, корзинками, иные совсѣмъ налегкѣ, спѣшили уйти изъ злосчастнаго города.

Смотрѣлъ я и глазамъ своимъ не вѣрилъ... Мнѣ все хотѣлось думать, что это я вижу страшный сонъ.

Одѣваясь, иду въ караульное помѣщеніе Квартальнаго Комитета. Смотрю, съ винтовкой въ рукахъ сидятъ нашъ предѣдатель, другіе Члены Квартальнаго Комитета. Все всѣ ушли.—«Что же дѣлать, А. А.?».

«Не знаю, родной» глухо отвѣтилъ онъ, и слезы покапались по его старческимъ щекамъ. Я ушелъ.

Улица уже пустѣла; только по угламъ стояли рыдающія женщины и дѣти.

Черезъ нѣсколько минутъ и я вышелъ изъ дома.

Ровно черезъ пять недѣль я узналъ, что отъ моего имущества въ Казани осталось только одно воспоминаніе.

Іосифъ Кульсентовскій

ПРИМ. РЕДАКЦИИ. Въ яркая картина того, какъ относились граждане къ своему долгу. Такія картины обычны повсюду. «Не садитесь за спокойныя газеты» слѣдуетъ гражданамъ, а «браться за винтовку и СВОЕВРЕМЕННО».

Забыли пустяк — Россию!

Членъ мирной конференціи Тардье, перечисляя во французской палатѣ депутатовъ всѣ союзныя воевавшія страны ни словомъ не упомянулъ о Россіи и ея потеряхъ.

Речь его оставила убійственное впечатлѣніе въ русскихъ кругахъ.

Бурцевъ написалъ по этому поводу статью:

— Забываютъ пустяк: Россію!.. Изъ всѣхъ выступавшихъ въ палатѣ только одинъ социалистъ Самба упомянулъ о Россіи и указалъ, что поведеніе союзниковъ относительно Россіи вызвало общее Русское недовольство и благоприятствуетъ русско германскому сближенію.

— Вся Россія противъ насъ! — воскликнулъ съ упрекомъ Самба.

ПАРИЖАНИНУ.

(Посвящается Тардье).

Отъ хмля победы гордь,
Ты въ веселомъ кафѣ сидишь,
Но вскорѣ разгуль обезумѣвшихъ

ордъ

Смететь одряхлѣвшій Парижъ.
Банкиръ, убѣгая, уютное жильѣ
Запретъ тяжело дыша...

И надѣнетъ кружевное бѣлье
Любовница... анаша.

На аэропланъ, умчится Фошъ
Вербовать надежные полки,
А ты, парижанинъ, въ каморкѣ зам-

решь,

Изнывая отъ страха и тоски.
И будетъ сниться въ краю чужомъ
Парижъ, какъ русскимъ Москва,
А мы мириться васъ позовемъ
На Принцевы острова.

Г. М.

Въ Омскѣ

ТЫЛЪ ГОВОРИТЬ ФРОНТУ.

Всероссійскій Национальный Союзъ обратился къ Командующему фронтомъ ген. Дитерихсу:

— Союзъ проситъ передать офицерамъ и солдатамъ арміи земной поклонъ за ихъ героическую борьбу!

Пусть вѣрятъ наши дѣти и братья—любимые солдаты, что всей душой мы всегда съ ними и жадно слѣдимъ за ихъ подвигами. Сейчасъ, когда наши родные полки снова вступили въ упорный бой — наши сердца бьются восторгомъ. Мы хотимъ, чтобы нашъ голосъ достигъ смѣлыхъ бойцовъ и передалъ имъ всю глубину нашей любви къ нимъ и наше искреннее уваженіе къ ихъ святому дѣлу.

Да поможетъ имъ Богъ въ ихъ тяжеломъ, но славномъ дѣлѣ!

ДѢТИ-БѢЖЕНЦЫ.

Получены извѣстія, что побѣда Американскаго Краснаго Креста съ дѣтьми-бѣженцами прибылъ во Владивостокъ.

Для 300 малолѣтнихъ бѣженцевъ устраивается помѣщеніе на Русскомъ Островѣ.

ФРОНТУ.

Въ Омскѣ выписано изъ Иркутска 100 000 смѣтъ бѣлья Американскаго Краснаго Креста. Бѣлье будетъ передано Военному Министру.

У фармы Зингеръ взято для шитья бѣлья 50 швейныхъ машинъ.

НОВОСТИ ДНЯ.

РАЗГРОМЛЕНО ШЕСТЬ ПОЛКОВЪ КРАСНЫХЪ. ЗАХВАЧЕНО 19 ОРУДІЙ, БОЛѢЕ 60 ПУЛЕМЕТОВЪ, 2200 ПЛѢННЫХЪ. ПРОТИВНИКЪ БѢЖИТЬ.

СОЮЗЪ ГОРОДОВЪ.

По указанію Верховнаго Правительства Союзъ Городовъ занялся устройствомъ санитарныхъ побѣдовъ для перевозки раненныхъ отдѣльно отъ больныхъ.

Идетъ оборудованіе 2 такихъ побѣдовъ. Въ составъ ихъ войдутъ прачешныя, бани, кухни и проч.

За добровольцами.

Выѣхала, для побѣдки по всемъ городамъ Сибири и вербовки добровольцевъ группа представителей братства Св Гермогена, мусульманъ, старообрядцевъ и бѣженцевъ.

На ст. Омскѣ.

Предсѣдателемъ братства Св Гермогена, о. Рождественскимъ, было устроено на дняхъ собраніе для жел. дорожныхъ рабочихъ и служащихъ.

Присутствовало свыше 2000 человекъ.

Ораторы разъясняли текущія событія и призывали къ единой борьбѣ съ Ленинымъ.

Мысли мудрыхъ:

КТО ВО ВРЕМЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ НЕ ПРИМКНЕТЪ НИ КЪ ТОЙ НИ КЪ ДРУГОЙ СТОРОНѢ, — ПОДЛЕЖИТЬ ИЗГНАНИЮ.

СОЛОНЪ

Доброволецъ.

Прощаясь, нечаянно бросила: «ты»...

Хорошо итти добровольцемъ.

Въ тетрадь грустятъ, не засохли

цвѣты.

Обмѣнили наивно кольца.

Фуражку и френчъ примѣняетъ съ утра.

Нарядился бравымъ солдатомъ.

Въ столовой вздыхаетъ съ иглой се-

стра,—

Вышиваетъ погоны брату.

Сегодня на фронтъ. Замелькаетъ пла-

токъ,

Изъ большихъ, незнакомыхъ оконъ.

Въ тетрадь грустятъ незасохшій цвѣ-

токъ,

Рядомъ съ нѣмъ золотистый локонъ.

Евгеній Льсовой.

Извозчики.

Что такое извозчикъ?

Если этотъ вопросъ задать москвичу, онъ просто отвѣтитъ:

— Гужеѣды!

Почему онъ «гужеѣды», — этого никто не знаетъ. Но другого имени извозчикъ у москвича, со дня рожденія, не имѣетъ.

Вообще люди, очевидно, очень интересуются особой извозчика и упоминаютъ имя его все.

Въ порядочномъ домѣ какая-нибудь Марья Ивановна сжимаетъ губки сморчкомъ и говоритъ:

— Иванъ Петровичъ выражается, какъ извозчикъ.

А когда сынишка вытираетъ носъ рукавомъ, мамаша вслѣхиваетъ и кричитъ:

— Ты извозчикъ?

Сидятъ въ театрѣ барыньки въ кружевахъ, разглядываютъ бель этажъ въ хорнетъ и замѣчаютъ:

— Прелестно одѣтъ молодой человекъ, но манеры! Манеры! Какъ у извозчика...

А какія, спрашивается, у извозчика манеры? И гдѣ онѣ ихъ видѣли?

Когда барыня въ пролеткѣ ѣдетъ, то видитъ только извозчикъ задъ. А чтобы судить по задъ о манерахъ, — нужно большимъ специалистомъ быть.

И вотъ, нѣсколько дней тому назадъ, эти пугала, извозчики, сговорились — и отдали солдатамъ дневную выручку...

— Около пятидесяти тысячъ!

Можетъ быть, это и не совсемъ «дневная выручка», такъ какъ выходитъ, будто каждый извозчикъ зарабатываетъ въ день рублей семьдесятъ, но все-таки это жертва, которая говоритъ:

— Мы понимаемъ страданія родины!

— Мы любимъ Россію, не на словахъ, а на дѣлѣ!

— Мы не забыли солдата!

Теперь, взгляните въ другую сторону. На «порядочныхъ» людей.

Не говорю о Марьяхъ Петровнахъ, сидящихъ въ гостинныхъ:

— До нихъ — стоны родины не доходятъ.

Не говорю о тѣхъ, кто сидитъ въ театрѣ съ хорнетами:

— Имъ Россія — не мать!

Когда мать присмерти — въ театрѣ не ходятъ...

Я говорю о тѣхъ сынахъ родины, которые тучей сидятъ въ канцеляріяхъ и конторахъ, горбомъ зарабатываютъ хлѣбъ и дѣйствительно любятъ родину...

Родина тоже не забываетъ ихъ. Какъ съ неба валяется на ихъ голову то побѣда, то прибавки...

Почему же они до сѣхъ поръ не догадываются вспомнить о солдатѣ? Почему они не дадутъ емъ дневного заработка?

Только дневного!

— Какъ извозчикъ! Зуда.

Новыя частушки.

Я куплю себѣ монету,
Погдаю коммунисту,
Погдаю сворожу,
Въ глотку носъ ему всажу.

Нынче умный то — молчокъ,
А надъ умнымъ то — сморчокъ.
А легко живетъ лишь тотъ,
Кто громчѣ всѣхъ оретъ.

Чинить Ленинъ свой кафтанъ,
А въ кафтанѣ все изъять.
И куда ни глянь — дыра...
Прогалада нѣмчурал!

Записалъ Конекъ-Горбунокъ.

У большевиков

О КОММУНЪ.

Учреждениямъ, основаннымъ на коммунизме, свойственно имѣть первый блестящій моментъ, ибо коммунизмъ всегда предполагаетъ большую экзальтацию, но затѣмъ очень быстро вырождается, такъ какъ коммунизмъ противорѣчитъ человеческой натурѣ. Въ припадкѣ добродѣтели человекъ воображаетъ, будто онъ способенъ совершенно отказать отъ эгоизма и отъ личныхъ интересовъ; но эгоизмъ беретъ свое, доказывая, что абсолютное безкорыстие порождаетъ еще болѣе тяжкія бѣдствія, нежели тѣ, которыхъ хотѣли избѣжать, уничтожая собственность.

(Речь «Жизнь Исуса».)

ОБЩЕСТВЕННЫЯ СТОЛОВЫЯ ВЪ БОЛЬШЕВИЗИИ.

Въ общественныхъ столовыхъ въ хвостахъ раздаются упреки, порою вполне заслуженные, по адресу прислуги столовой и завѣдующихъ:

«На первое—водичка, на второе — гнилая вобла, а дѣтская каша—застыла въ кувшѣ».

Воровство въ столовыхъ, по временамъ достигаетъ большихъ размѣровъ...

Для борьбы съ этимъ зломъ, компродомъ организовали контроль надъ общественнымъ питаньемъ.

Для ревизіи столовыхъ, посылаются легучѣ страды контролеровъ. Однако несмотря на энергичную дѣятельность контролеровъ, искоренить воровство не удается.

Въ послѣднемъ, отчасти, виновато само населеніе, своей халатностью по отношенію къ своему питанью.

Надлежащая постановка общественного питанья возможна лишь — при широкой инициативѣ и поддержкѣ общества.

Контроль общественного питанья, идя навстрѣчу населенію, открылъ, напр., книгу жалобъ и по всякому заявленію производится широкое разслѣдованье, виновныхъ привлекаютъ къ законной ответственности.

Однако, книга жалобъ остается почти чистой, а обыватель лишь ворчитъ въ хвостѣ.

Большой ущербъ контролю общественнаго питанья наноситъ то, что фактически районныя столовыя не находятся въ нѣдѣйный центральный отдѣлъ общественнаго питанья, почему и наблюдается большая несогласованность въ общей постановкѣ дѣла.

Необходима организація коллективовъ, изъ сознательныхъ работниковъ въ столовыхъ, чистка руководящаго персонала столовыхъ, привлеченіе коммунистовъ. На курсы общественного питанья и къ работѣвъ самомъ контролѣ.

Необходима самая большая гласность въ разслѣдованіи злоупотребленій, строжайшая ответственность за недобѣсъ хлѣба при выдачѣ его въ столовой и вывѣшиванье раскладокъ рядомъ съ меню, чтобъ каждый посетитель могъ знать, сколько и какіе продукты ему полагаются.

Также весьма желательны дежурства стоящихъ или представителей отъ коллектива на кухнѣ у котла.

Только при взаимной поддержкѣ общества, контроль общественного питанья можетъ быть поставленъ на должную высоту.

(«Красная Газета» 1919 г. № 52).

БОЛЬШЕВИСТСКИЙ СУДЪ - ВЗДОРНАЯ ЧЕПУХА.

Въ понедѣльникъ, 24 марта, въ Московскомъ Революціонномъ Трибуналѣ разсматривалось дѣло по обвиненію Марьи Спиридоновой въ клеветѣ на Совѣтскую власть и въ агитаціи, слѣдствіемъ

чего, явились контръ революціонныя выступленія.

Какъ только открылось засѣданье, Спиридонова заявила, что не хочетъ участвовать въ комедіи уда на нею и проситъ разрѣшенія удалиться. Судь удовлетворилъ эту просьбу. Удаляясь изъ залы суда, Спиридонова предложила публикѣ уйти и не слушать вздорной чепухи.

Послѣ сообщанья, Трибуналъ выноситъ слѣдующее постановленіе: считать пропаганду, способствовавшую контръ революціи и клевету на совѣтскую власть, Марьи Спиридоновой—доказанными. Но, принимая во вниманіе ненормальное состояніе ее, ограничится устраненіемъ ее отъ общественной работы и помѣститъ на годъ въ санаторію, при условіи, что ей будетъ гарантирована возможность нормальнаго умственнаго и физическаго труда.

(«Коммунаръ» 28 февраля 1919 г. № 44)

ВЪ СОВДЕПСКОЙ ДЕРЕВНѢ.

Въ большевистской газетѣ «Бѣднота» № 812, отъ 18 апрѣля с. г. читаемъ: «Въ деревнѣ Каменки, Пронскаго уѣзда, Рязанской губерніи, на сельскомъ собраніи обсуждался вопросъ, какъ поступить съ обработкой земли. Коммунисты предложили обрабатывать землю общественно».

Кулаки подняли ревъ:

— Долой коммунистовъ, долой оборванцевъ!

Бѣдняки, по темнотѣ своей, пошли на ихъ удочку».

КОМУ ПО ВКУСУ ПРИШЕЛСЯ ЛЕНИНЪ.

«В. А.» рассказываетъ о слѣдующемъ случаѣ, имѣвшемъ мѣсто въ одномъ изъ засѣданій пограничнаго окружнаго суда въ Манчжуріи. Осужденный въ арестантское отдѣленіе за уголовное преступленіе подсудимый, при выслушаньи приговора, заявилъ: «я правительства Колчака все равно не признаю, вотъ когда сюда прѣдетъ Ленинъ — я тогда съ вами расплачусь!»

Дѣйствительно, врядъ-ли кто станетъ отрицать, что съ точки зрѣнія уголовныхъ преступниковъ правительство Ленина—Троцкаго является самымъ прѣятнымъ.

ВСѢ СВОБОДЫ, КРОМЪ ОДНОЙ.

Въ большевистской газетѣ «Коммунаръ» № 34, 1919 г. читаемъ:

«Арестовано нѣсколько тѣло-эсеровскихъ заговорщиковъ. Среди арестованныхъ — Марья Спиридонова, Штейнбергъ, Трутовскій и др.

Почему ихъ пришлось арестовать? Потому что они готовили возстанье противъ Совѣтской власти и пытались повторить прошлогодній преступно-глупый мятежъ. Мы можемъ дать нашимъ противникамъ всѣ свободы, кромѣ одной: свободно готовить наше сверженіе — мы имъ не позволимъ!»

Господь тѣлыхъ эсеровъ пришлось арестовать еще и потому, что они пытались разложить нашу красную армію, подвѣять ее на преступный мятежъ, противъ рабоче-крестьянскаго правительства.

Они продолжать игру въ заговоры и возстанья. Они — неисправимы, эти истеричные болтуны.

Но игра въ возстанья — преступная игра. Власть не можетъ ее терпѣть. Малѣйшая заминка въ производствѣ и транспортѣ — теперь гибельна.

Поэтому, необходимо обезвредить господъ тѣлоэсеровскихъ провокаторовъ и лишить ихъ возможности продолжать свою преступную игру».

Америка и большевизмъ

Большевики — мастера вести пропаганду, «тирать очки», какъ говорится представлять дѣло такъ — какъ будто только они одни защищаютъ истинное дѣло революціи, а всѣ остальные русскія правительства — реакціонныя. С этой целью, въ Америкѣ ими были основаны для пропаганды ихъ взглядовъ десятки газетъ и журналовъ.

Этой пропагандѣ благопріятствовали въ Америкѣ эмигранты: ирландцы, враги Англии, и главнымъ образомъ нѣмцы, — политическіе союзники большевиковъ.

Но, за послѣднее время въ особенности съ прїездомъ Е. К. Брешковской началась, совместно съ нею, серьезная пропаганда въ пользу признанія правительства Верховнаго Правителя адмирала Колчака, высякающая истинное значеніе большевизма, его деспотизмъ, насиліе, его близкое паденіе, демократическую программу правительства Верховнаго Правителя.

Постепенно, чары, навѣяныя агентами большевизма, начинаютъ разсыпаться у американцевъ и они начинаютъ правильно оцѣнивать положеніе въ Россіи.

Особенно важно отмѣтить ответъ въ пользу нашего правительства Гом-пресса, главы американской Федерации Труда, насчитывающей свыше 3 000. 000 организованныхъ рабочихъ.

РѢДКОСТНОЕ ДВИЖЕНІЕ ДУШИ.

Русская Рѣчь сообщаетъ, что въ Ново-Николаевскѣ, 3 сентября, в театрѣ «Альгамбра», послѣ представленія «Жульетты изъ Нарбонны», бенефициантъ, артистъ Галинъ Чарской, въ числѣ прочихъ бенефисныхъ приношеній, — поднесены 50.000 рублей. Этотъ подарокъ газета остроумно назвала «рѣдкостнымъ движеніемъ души, очевидно спекулянтской».

Редакція газеты обѣщаетъ навести справки въ соответствующихъ учрежденіяхъ, сколько этимъ пылкимъ поклонникомъ артистки пожертвовано на нужды арміи.

Благодарность.

(Письмо въ редакцію).

Раненые солдаты различныхъ полковъ, эшалона № 56, слѣдовавшего съ фронта, приносятъ глубокую благодарность жителямъ города Омска за поднесенные гражданами изстрадавшимся воинамъ различные подарки. Не такъ дороги подарки, какъ дорога память о войнахъ, несущихъ всѣ кары войны, защищая разбитую и истерзанную большевиками родину. При стоянке эшалона на ст. Куломзино, 7-го Сентября 1919 года. Еще разъ приносимъ благодарность.

Солдаты

Просимъ перепечатать въ другихъ газетахъ.

Редакторъ В. Н. ИВАНОВЪ
Издатель «Русское Бюро Печати»